

A woman with long brown hair, wearing a blue lace dress and a blue pendant, sits in an ornate, dark brown leather chair with gold-colored carvings. She is looking directly at the camera with a slight smile. The background is a dark, wood-paneled room. To her left is a wooden desk with a lit candle in a brass holder, an open book, and a quill pen. A beam of light from a window behind her illuminates the scene, and wisps of smoke or magic float in the air. The overall atmosphere is magical and elegant.

РЫЖАЯ ЕХИДНА

МАМА
ИЗ ДРУГОГО МИРА
ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ
И НЕ ТОЛЬКО

16+

Рыжая Ехидна
Мама из другого мира.
Дела семейные и не только
Серия «Королевский приют», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67769048
SelfPub; 2022*

Аннотация

Есть тайны, охраняемые лучше королевских сокровищниц, прошлое любит стучаться в дверь когда ты его не ждешь, а путь к личному счастью тернист и непрост.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	67
Глава 8	75
Глава 9	93
Глава 10	105
Глава 11	113
Глава 12	139
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Рыжая Ехидна

Мама из другого мира.

Дела семейные и не только

Глава 1

По моим извилинам, как по металлическому желобку детской игрушки, туда-сюда каталась одна-единственная мысль: почему мокро?

Затем в сознание начали проникать отдельные фразы:

– Вроде в себя приходит...

– Не брызгай больше...

– Да что же это с нашей голубкой? – узнала я голос Василы. – Уж не беременная ли часом?

Я беременная? Ну насмешили...

– Не беременная она. Лизка, выныривай из своей мути.

Меня слегка встряхнули, пришлось открыть глаза, чтобы понять, кому руки поотрывать.

– Прости, что так на тебя все обрушил, но тебе некогда разлеживаться. Вставай, а то опять оболую водой! Я знаю, что ты уже соображаешь. Ричард в беде.

Вот с этого и надо было начинать, я сделала попытку подняться и все вспомнила: боль в груди, паническая атака,

падение с лестницы, которое, судя по всему, не состоялось благодаря молниеносному Гевину. Вон как переволновался, аж глаза запали. Василя тихо охала, прикрыв рот ладошкой, Димка был встревожен, но крепился. Флин придерживал за талию и по эхо-связи поторапливал. Неужели с Ричардом все *так* плохо, что он не дает мне в себя прийти. А почему, собственно, я так резко сомлела?

– Мне тоже интересно, что тут с тобой уже успело произойти за время моего отсутствия. Как раз в госпитале и узнаем, – недовольно пробурчал братец, помогая мне одеться. – Ричард очень плох, нам следует поторопиться.

Путь до столицы был бесконечным. Так мне показалось. Флин и Веррес, присоединившийся по пути, провели меня через два служебных портала, прежде чем мы оказались в госпитале. Нос уловил едва различимый дух зелий – так пахло в избушке Рады. Потом были долгие бесконечные коридоры, снующие туда-сюда целители и пациенты. Хотелось сорваться на бег, но я не знала, в каком направлении двигаться, поэтому изо всех сил сдерживалась, радуясь широкой юбке платья и отсутствию необходимости сдерживать шаг. Наконец Веррес распахнул передо мной дверь. Краем сознания я отметила, что мы прошли весь коридор до упора, дальше дверей не было.

Бегло осмотрела большую палату, выискивая глазами мужчину. Машинально отметила наличие аж трех окон, ослепленная полуденным солнцем. В косом столбе солнеч-

ного света я разглядела одинокую больничную кровать и разметавшиеся по белоснежной подушке темные волосы. Ричард. Он был странно бледен. Бледность его была не болезненной, а какой-то... обесцвеченной, как будто он несколько растворился в пространстве.

Теперь я поняла, почему Флин говорил, что Ричард может не дотянуть. Присев на край кровати, я вглядывалась в родные черты и не понимала, почему выражение любимого лица столь безмятежно-счастливое, тогда как у меня все органы скручивает судорогами страха. Я даже прикоснуться к нему боялась, потому что руки тряслись как в припадке болезни Паркинсона.

– Он ничего не чувствует, Лиза, хоть за это не бойся. Он в своих грезах, ему там хорошо, очень хорошо. Поэтому целители не могут его дозваться.

– Тогда почему он так невыносимо бледен?

– Что-то нарушилось в его балансе жизненных и магических сил, – отрывисто произнес стремительно вошедший целитель, – а что именно, мы понять не можем, вот эта штука не дает, – щегольская борода целителя, мучительно похожего на Антона Павловича Чехова без пенсне, указала на грудь пациента. – Мы не можем снять амулет, он нас не подпускает, но именно в нем причина этого странного состояния.

– Не подпускает? – Страшная догадка пронзила меня кислотным жжением. Наш с Димкой амулет! – Его надо снять? –

поинтересовалась я торопливо и, дождавшись утвердительного кивка, разрежала кожаный шнурок ножом, протянутым потрясенно молчащим Флином. Вот только... силы в амулете я больше не ощущала. Словно он был совсем пустой... но как такое возможно?

– Шутка темного Румара! – воскликнул расстроенный Веррес. – Почему вы раньше не сказали? Мы могли давно его снять!

– Не поминайте тут бога смерти! Ну да, мы не смогли, а вы бы... – не договорив, целитель уставился на идентичные амулеты в руках моих родных. – Что это?

– Защита, – Флин был раздосадован не меньше Верреса. – Знали бы, давно сами сняли этот демонов амулет. Перестаньте пялиться, Курт, и займитесь моим другом!

Целитель потеснил меня у кровати и начал какие-то манипуляции при помощи кристалла, болтающегося на тонкой ажурной цепочке.

Прям девайс экстрасенса – крутила я в голове мысль, все глубже и глубже погружаясь в водоворот истерики.

– Лиза, – встряхнул меня Флин, – держись.

Бедняга. Ему моя ментальная защита что бумажная перегородка в японском доме.

– Сайтон! Нам нужен ректор Сайтон! – уцепилась я за руку Флина, мысленно объясняя все нюансы ситуации и воспоря надеждой на лучшее.

Всё будет хорошо, Лиза, вот увидишь. Не могла же ты соб-

ственными руками убить любимого человека. *Так просто не бывает.*

Соберись, ты же не сдашься без драки?! Ты ещё нефритовый кулон не подарила. И в любви не призналась!

После моих слов Веррес сорвался с места, как спущенный арбалетный болт.

Потянулись бесконечные минуты ожидания, Курт по-прежнему водил своим диагностическим кристаллом вдоль тела Ричарда, я как замороженная наблюдала за этими перемещениями, боясь даже сморгнуть.

Над тем местом, справа и чуть выше солнечного сплетения кристалл едва заметно тускнел. Курт нахмурился пуще прежнего, а меня сковало параличом от страшной догадки: именно в этом месте я ощущала Мишку, именно отсюда расходились вибрации его довольного порывивания, когда мы с Ричардом были наедине. Неужели он тоже пострадал?

Свалиться в новый виток отчаяния мне не дало появление Сайтона и декана целительского факультета, имени которого я никак не могла вспомнить. Но зато знала, что исследованиями Димкиного творчества, дав клятву о неразглашении, занимался именно он. Ученые мужи тихо переговаривались на своем заумном лексиконе, часть фраз из которого я не понимала.

Из объяснений стало ясно следующее: моя идея с защитным амулетом в исполнении Димки, который уже несколько

раскачал свою магию и стал сильнее, и есть причина дисбаланса, о котором говорил целитель, априори взваливая вину на нас с Димкой. Сайтон едва волосы на себе не рвал, но сдерживался, жалея меня и чувствуя вину за собой, понимая, что большая часть ответственности на нем.

Курт же не был настолько деликатен и, не вникая в обстоятельства, устроил мне самый настоящий выговор:

– Чем вы, леди, думали, когда предлагали слабому оборотню амулет с сильной человеческой магией?

Я, надо сказать, несколько растерялась от такого напора, да и сам вопрос ставил в тупик.

– А что не так, Ричард же наполовину человек и сильный маг?

Вопрос межрасовых отличий магии пока не касался меня никаким боком, я даже не подозревала, что могут быть проблемы, а Курт неистовствовал:

– Чему вас учат в академии? – все больше распалялся целитель, видя мое недоумение. Веррес прокашлялся, окатив разозленного мужчину суровым взглядом, и поток упреков иссяк, за что я была искренне благодарна.

Вместо того чтобы отчитывать меня как малолетку, лучше бы изложил свои выводы. Я уже уяснила, что причина состояния Ричарда – свежая поделка Димки, но что именно произошло?

– Ричард попал под двойную атаку, Лиза, – решился на объяснения Флин. – На его группу обрушилась «пьяная ку-

валда», а ему еще досталось проклятьем, которое вызывает у жертвы самую сильную эмоцию, испытываемую в последнее время. Эмоциональная волна настолько мощная, что жертва выпадает из реальности как в прямом, так и в переносном смысле. Она отключается, а ее мозг погружается в мир грез.

– Как я мог не сообразить, что амулет попадет к оборотню! – качал головой угрюмый ректор. – Там же заговор требовалось строить иначе! Проверить на качество проверил, а поинтересоваться, для каких целей, не подумал. И ты торопила, и время было не самое подходящее – собрание вот-вот должно было начаться, вот и прошляпил.

Тот самый случай, когда один понадеялся на второго, второй возложил надежды на третьего, который был уверен, что первый всё предусмотрел. В итоге никто ничего не сделал, не проверил. И вышло то, что вышло.

– Хорошо, двойная атака. Но я до сих пор не понимаю, при чем здесь амулет?

Курт фыркнул. Хоть он ничего и не сказал, но в воздухе вновь витала его мысль: «Недоучка».

Ну и черт с ним! Судить о человеке, не зная его, – полнейшая глупость. А этот товарищ уже, судя по всему, сделал обо мне выводы, и не самые лестные. Только какое мне дело? В мыслях был только Ричард.

– Понимаешь, Лиза, – Веррес попытался прояснить ситуацию более развернутым рассказом. – Преступники, которых штурмовала наша группа, наставили ловушек отдаленного

действия. Парни двигаются, наступают на артефакт или, хуже того, на магическую печать. При активации любой магии проклятье перестает быть спящим, а жертва в пылу магического боя не замечает, что уже обречена.

– «Пьяная кувалда» – это что-то вроде хаотично срабатывающего пресса, Сайтон учитывал уровень моей осведомленности, но мне все равно было трудно вникать, кровь стучала в висках, мешая сосредоточиться.

– Ричарда задело краем, и амулет среагировал на опасность. Предполагаю, что защита не сработала, так как произошел конфликт энергий оборотня и той, что заложена в кулоне, – взял слово декан целителей. – В сухом остатке этот боец был атакован не только кувалдой, но и проклятием, от которого не было защиты, двумя взбесившимися потоками энергии. Плюс он сам маг. Это уже четвертая сила. И всё это одновременно. Кувалдой его потрепало, но заклинание вовремя нейтрализовали. Благодаря хорошей регенерации он сейчас физически в норме, но в остальном...

– Ещё кто-нибудь пострадал? – голос тусклый, безжизненный.

Осознание, что моя инициатива всему виной, придавило не хуже того самого пресса. Ну кто меня просил?! Разве не справились бы они без меня?

– Прекрати это делать! – рявкнул Веррес, отчего я едва не подпрыгнула на месте. – Вся команда Ричарда осталась в живых! Ты хоть представляешь, какой силы «Пьяная кувал-

да»? – дядя, не стесняясь окружающих, отчитывал меня, как солдафона на плацу, так был строг. – Это заклинание размывает своих жертв, оставляя после лишь кровавую лужицу! Медальоны дали ребятам те необходимые минуты, в которые остальные занимались нейтрализацией. Да, Ричард пострадал, но остальные шестеро парней живы и здоровы благодаря вам!

– Он прав, – Флин приобнял меня за плечи и прижал к своему боку. Я даже не понимала, насколько замерзла, пока не ощутила разницу температур. – Под действием проклятия Ричард погрузился в самые приятные воспоминания из возможных, он там с тобой в своих грезах и не хочет возвращаться, вот такая горькая ирония.

На кой ему эти грезы, если я тут? Живая и настоящая, а не иллюзорная. Чем мечты лучше реальности?

– Каковы шансы на то, что он выкарабкается? – озвучила я главный вопрос и замерла в ожидании.

Мужчины, как назло, молчали, лишь переглядываясь между собой.

– Мы сделаем всё возможное, – наконец подал голос декан башни целителей.

Сделать всё возможное не значит спасти Ричарда. Этого может быть недостаточно.

«Этого мало! Сделайте невозможное!» – так хотелось кричать, но я промолчала. Лишь кивнула, силясь сдержать подступающие злые слезы.

Крепкая рука брата давала силу держаться, а дар, скорее всего, не позволял скатиться в истерику.

Курт, поджав губы, переключился на пострадавшего. После отповеди Верреса взгляд мужчины изменился, и я больше не чувствовала направленной в мою сторону неприязни.

– Высвободившаяся сила кулона вступила в конфликт со звериной сутью оборотня, прервав тем самым связь между зверем и человеком, – наконец высказался сам лечащий врач Ричарда, Курт, – если можно так выразиться. – Мой пациент – полукровка, его зверь слаб, а сейчас он вообще может исчезнуть, утянув за собой человека, что, собственно, и происходит.

– Слишком много непредвиденных факторов, – абсолютно спокойно подвел итог декан целителей. – Оборотень с магическим даром – само по себе явление не очень распространенное, а учитывая все остальное – случай превращается в уникальный. Результата никто гарантировать не может, но я подключу своих лучших сотрудников.

– Его зверь очень слаб, – раздался из-за спины женский мелодичный голос.

Все мужчины как по команде обернулись.

У двери стояла изящная женщина, а за её спиной крупный темноволосый мужчина, который был выше на голову своей избранницы.

«Родители Ричарда».

Получив ментальную подсказку от брата, я поняла, поче-

му изучающий взгляд зеленых глаз мужчины показался мне столь знакомым.

Глава 2

Женщина прошла в палату и остановилась рядом с кроватью. Её походка была столь грациозна, что я легко причислила бы её к клану кошек, если бы не знала, что она, как и её сын, относится к медведям. Не будь ситуация столь серьёзной, я наверняка позавидовала бы, но сейчас лишь вскользь отметила этот факт.

– Когда магия стала просыпаться, а полный оборот никак не получался, мы решили, что зверь второстепенен, а вот магия – это верный путь для мальчика. Это действительно оказалось так, потому что полного оборота так и не произошло. Сейчас слабый зверь окончательно исчезает, а вместе с ним погибает и мой сын. Если есть хоть какой-нибудь шанс, спасите человека, даже если уйдет зверь!

– К сожалению, Ричард сейчас не может бороться за обоих «я». Это практически невозможно. Либо и зверь, и человек выживут, либо оба...

– Но сейчас, – перебила я Курта, не желая слышать страшные слова, – когда действие амулета прекращено, почему он еще не в сознании?

– Из-за кулона мы не смогли ничего предпринять и проклятие «сильного чувства» перешло в необратимую стадию, – целитель тяжело опустился на край кровати. – Гадкая вещь. Его используют шантажисты и вымогатели, потому что

снять такое проклятие без кодовой фразы сложно. А если не снять в определенный период, жертва умрет, так и не очнувшись. Чаще всего мучимая каким-либо личным кошмаром. Близкие обычно готовы на все, чтобы спасти проклятого. Но в данном случае отменяющей фразы не предполагалось, как я понимаю. Удивительно, что он еще жив.

Спасибо, утешил.

– Он жив, потому что его питала сила кулона, – предположил Сайтон. – Сил в него было вложено очень много, он буквально вибрировал от насыщения.

– Но сейчас кулон абсолютно пуст. Значит, Ричард остался без внешней подпитки? – последовала новая пугающая догадка. – Надо же что-то делать!

Я выскользнула из захвата обнимающего меня брата. Хотелось двигаться, искать решение. Может быть, ещё один кулон? Или он только повредит?

Очень раздражало, что ничего не делается, в то время как жизнь Ричарда висит на волоске. Устроили тут симпозиум мировых светил, понимаешь ли!

На мое плечо легла тяжелая рука. Эта тяжесть помогла сосредоточиться и обрести хоть какое-то равновесие. Вот всегда я так. Начинаю суетиться, когда не знаю, что предпринять. Я обернулась.

– Это ты Лиза, да? – на меня в упор смотрел отец Ричарда. Пришлось кивнуть, подтверждая очевидное.

Его супруга на это лишь тяжело вздохнула, словно надея-

лась на другое.

– Не бойся, мы знаем о тебе и понимаем, что это недо-
разумение. Хотя, если честно, мне трудно на тебя не злить-
ся. Сын давно обещал привести тебя в дом, но мы никак
не предполагали, что встреча произойдет при таких обсто-
ятельствах, – дама проговаривала фразы с заметным усили-
ем, как будто сдерживалась изо всех сил, чтобы не повысить
голос или не нагубить, хотя сложно даже представить, что
она сейчас чувствует.

– Не дави на девочку, дорогая, – вмешался отец Ричарда, –
она наша единственная надежда. И, уже обращаясь ко мне,
добавил: – Меня зовут Рауль, – мягко произнес он, – а это
Рамона, мы родители Ричарда.

Я слушала его вполуха, потому что Рамона постукивала
пальцами по груди сына, как доктор проверяет грудную клет-
ку. Я следила за действиями женщины во все глаза и ждала
ее выводов.

– Зверь еще держится, даже слегка отреагировал на мою
медведицу, – произнесла Рамона с задумчивой надеждой и
вдруг поманила меня к кровати. – Сядь, положи руку сюда
и позови, позови зверя. Плачь, кричи, ругайся, бей, но дозо-
вься! Ты его истинная пара, ты его ахиллесова пята, ты смо-
жешь! – в голосе Рамоны было столько силы и материнской
веры, что я и сама поверила, что получится.

Отрешиться от окружающих и сосредоточиться на глав-
ном помог бисерный стук сердца под моей рукой. Время

словно исчезло, оставляя меня наедине с дорогим и любимым мужчиной.

– Мишка, Мишенька, Мишутка, – приговаривала я, – не бросай меня, возвращайся! И этого счастливчика с собой тащи. Наслаждается там один, без нас, представляешь? Давай, мохнатенький, возвращайтесь оба.

Момент, когда все остальные покинули палату, я не отследила, не до того было. Запомнила лишь деликатное обещание Флина заглянуть позже. Подозреваю, что именно брат всех выгнал, когда понял, что я сконцентрировалась и мне не стоит мешать.

За окном стемнело, а я всё продолжала звать своего мужчину, понятия не имея, как это правильно делается. Нужно разговаривать? Что-то обещать? Или заверять в своей любви?

Я не знала.

В итоге решила перепробовать всё. Я рассказывала сказки, вспоминала разные кинофильмы и книги, истории из жизни. По палате метался мой одинокий голос, и лишь иногда мне чудилось жалобное поскуливание или тихий, полный отчаяния рык. И тогда я начала говорить, обращаясь к Мишке, потому что казалось, что именно сейчас он меня услышит и откликнется.

Когда стало совсем темно, в палату заглянул Курт. Постоял у двери, послушал, как я сиплю, и ушел, а через несколько минут вернулся с огромной кружкой какого-то целебного

чая.

– Голос восстановит и предотвратит обезвоживание, – коротко пояснил целитель, смотря на меня как-то сочувственно. Словно думал, что всё это впустую. – Разомнитесь пока, я проверю изменения...

Я поднялась и чуть не упала. Так сосредоточилась на главной задаче, что даже не заметила боли в затекшем от неудобной позы теле, в которой я просидела несколько часов. Размяться удалось с трудом. Доктор пробурчал что-то вроде «хуже не стало» и вышел, а я кинулась растирать бесчувственное неподвижное тело, стараясь разогнать кровь, и подбадривая себя пением, лишь бы не молчать. За этими хлопотами я полностью успокоилась.

«Врешь, не возьмешь», – думала я, напевая «Врагу не сдается наш гордый Варяг». Мишке вообще нравились маршевые песни. Когда я пела что-то из репертуара Высоцкого, клянусь, мне подрыкивали в такт, я чувствовала это ладонью. Это было чертовски забавно и отвлекало от плохих мыслей.

Рано отчаиваться.

Ближе к ночи в палату вновь вернулись родители Ричарда. У меня в руках тут же появилась чашка с бульоном, в то время как отец Ричарда переворачивал тяжелое тело сына на живот, приговаривая:

– Залежался ты совсем, скоро до пролежней дойдет, – словно ругал маленького ребенка, а после, подумав, веско

припечатал: – Лентяй!

– Выпила? – Рамона забрала чашку и, взяв меня за руку, потянула в сторону выхода. – Пойдем-ка умоемся, детка. Прогуляемся, пока мужчины проверяют Ричарда, а то засиделась совсем.

Вернулись мы в палату спустя час, перекусив, справив обычные потребности организма и прогулявшись вокруг госпиталя, изрядно продрогнув. Зато мысли встали на место.

– Все идет гораздо лучше, чем я мог надеяться, – целитель Курт ободрительно похлопал Рауля по плечу. – А, вот и Лиза. Силу вливать пробовали? – Я отрицательно мотнула головой, вновь устраиваясь на стуле подле кровати. – Пробуйте. Ну же, прямо сейчас.

И я повиновалась. Слегка с опаской, переживая, что могу сделать лишь хуже. Шутка ли, очередной вид влияния на Ричарда. Не хватало только нового конфликта. Но, к удивлению, все прошло... спокойно.

– Теперь можете понемногу, по капельке в минуту вливать в него сырую силу, – Курт кивнул, проверив результат. – Я удивлен, но вашу силу организм воспринимает и усваивает. Только это невозможно, если связь односторонняя.

– Они истинные, что удивительного? – Рамона погладила сына по волосам. – Его зверь стал сильнее, моя медведица это отчетливо чувствует. Возможно, и связь укрепилась? Лиза, не припомнишь, может, ты сегодня испытывала какие-нибудь странные ощущения?

Я задумалась лишь на секунду.

– Утром... почувствовала сильную боль вот тут, – показала рукой на солнечное сплетение, – и задышалась без видимых причин. Потом и вовсе потеряла сознание.

Такое чувство, что это было не утром, а очень-очень давно. Но для Курта и Рауля, оказалось, это имело огромное значение, так что не прошло и получаса, как в палате оказались Сайтон и его помощники.

– Лиза, мы думаем, что ты взяла на себя часть боли Ричарда. Именно в солнечное сплетение попало проклятие, а с дыханием могли возникнуть проблемы, когда его придавило кувалдой.

– Но как такое возможно?

– Пока точно не скажу, но по закону сохранения сила не могла просто раствориться в воздухе. Тем более что Ричард попал под удар столь разнородных энергий одномоментно. И если он до сих пор жив, то вполне вероятно, что он усвоил эту силу. Тогда слова Рамоны о том, что зверь стал сильнее, обретают смысл. А вместе с ним укрепились и ваша связь.

– Это же замечательно! – мама Ричарда сияла, как новогодняя гирлянда, улыбаясь сквозь слезы. – Продолжай звать, Лиза, он тебя точно услышит! Зови сильно. Твоя любовь должна быть сильнее грез, и тогда Ричард вернется к нам.

И опять рука на бледной груди, капля силы, строчка из песни, капля силы, вторая строчка. Легче всего было под ритмичные тексты, которые я уже не напевала – шептала и

сипела.

Курт вновь заглянул с отваром, это помогло.

– Мишка, прекращай лениться, – увещевала я, – я знаю, ты слышишь меня! Возвращай нам Ричарда, постарайся. Мы же без него пропадем оба. Тебя устраивает вот так валяться без движения? Помнишь, как хорошо мы резвились в снегу? Вот вернетесь оба, сходим посмотрим, может, речка встала? Ты был на зимней рыбалке? Это задачка под силу самым сильным. Ледяная прорубь не то же самое, что теплое море, кишасщее рыбой.

Вспоминала, как здорово было на острове, какая вкусная была рыба. Обещала побегать по лесу и бог знает что ещё. Контраст между этим безжизненным телом и тем Ричардом из моих островных воспоминаний был так разителен, что, не выдержав тишины и отсутствия результата, я расплакалась.

А потом разозлилась. Да так, что руки задрожали, а голос буквально завибрировал от переполняющих эмоций.

– Сколько можно тебя уговаривать, сладкоежка ленивая, а ну возвращайся! – каждую фразу я сопровождала шлепком по груди Ричарда. – Разлегся, герой, бросил меня! Возвращайся сейчас же! А ты, Мишка? – переключилась я на более доступный объект. – Вот какой из тебя медведь? Да из тебя даже плюшевой ушастой чебурашки не выйдет, даром, что когти... коврик блохастый.

Я распалаясь все сильнее и сильнее, от моих увесистых шлепков бледная кожа слегка порозовела. Мишка в ответ по-

рыкивал, явно огрызаясь, а я ругалась и ругалась, не забывая с каждым шлепком вливать толику силы.

– Кролик вислоухий, а не зверь, «Ми-ми-ми», – дразнилась я, как Тутта на Амирчика. – Вылезай и покажи, какой ты грозный!

В ответ была тишина.

Всплеск гнева вытянул из меня остаток сил, и я, устроившись на краю кровати, вытянулась вдоль бесчувственного Ричарда, обняв его за пояс и уткнувшись носом в шею.

– Возвращайся, Ричард. Обещаю, реальность лучше твоих фантазий, – прошептала я, оставляя на горячей коже влажную дорожку от слез.

А потом заснула.

На фоне стресса приснился кошмар. Меня, связанную, заточили в сильно натопленной парилке, на самых верхних полках, да еще тулупом укрыли. Я извивалась червем, чтобы скинуть с себя ненужный мех и сползли пониже, подальше от жара. Но вдруг все полки разрушились, и я кулем свалилась на пол, сильно ударив плечо.

Грохот стоял такой, что сон слетел моментально. Пробуждение было резким, как вдох после ныряния.

Я лежала на полу, плечо болело, а перед глазами все мельтешило. Сердце ушло в пятки, когда я почувствовала нечто, утыкающееся мне в затылок. Если бы горло не болело, я завизжала бы дурным голосом, потому что неизвестный сопел и беззастенчиво принюхивался, пофыркивая, отчего волосы

слегка развевались в разные стороны.

Медленно обернувшись, я уткнулась в... звериный нос, втянувший в очередной раз воздух, а после фыркнувший мне прямо в лицо.

Зверь был огромный, особенно на фоне маленькой меня, сжавшейся в комок. Огромный темно-бурый медведь, явно больше обычного гризли, нависал надо мной. Рациональная часть меня догадывалась, что это мой Мишка, а нормальная, женская, затряслась в ужасе. Одно дело, когда зверь где-то внутри человека и его не видно, хотя ты и знаешь о его существовании, другое... когда перед тобой сидит самый опасный хищник необъятных размеров. Да он за один кусь может меня обезглавить!

Хорошо, что голос еще не вернулся, иначе мой визг выбил бы стекла, а медведя бы контузило.

Я потихоньку стала отползать назад, в сторону выхода, а зря. Медведь был явно против. Между клыков, похожих на бивни, мелькнул серо-розовый язык.

«Ой-ёй, только не это», – паническая мысль о том, что меня всё-таки съедят, мелькнула и тут же исчезла, потому что паниковать было уже поздно. Полуметровая мокрая, теплая и очень скользкая тряпочка со специфическим запахом прошла по моей коже от ключиц, не прикрытых платьем, вдоль уха и до самых волос, демонстрируя... дружелюбие?

– Мишка, это ты?

– Ры-уу, – получила я исчерпывающий ответ.

Глава 3

Я тихонько хихикнула сорвавшимся голосом, наверняка от перенапряжения, но страх понемногу отступал. Зверь сидел абсолютно спокойно, не шевелясь до тех пор, пока я не предпринимала очередной попытки отползти.

Пока я спала, Мишка вытянул у меня три четверти резерва, видимо, во сне я продолжала отдавать силу, как запрограммированная. За эти сутки я ему сильно надоела, и он впервые обернулся, не иначе как от раздражения. Чтобы перестала нудеть и обзывать. Недаром я теребила его столько времени. И вот теперь огромная медвежья голова размером с мой духовой шкаф из прошлой жизни нависла надо мной. Мишка явно напрашивался на ласку.

По крайней мере, так мне казалось.

– Хороший зверь, добрый, умный, воспитанный, – шептала я, с осторожностью прикоснувшись к морде, а осмелев, поглаживая и почесывая все, до чего могла дотянуться. Встать не представлялось возможным – две мохнатые лапы размером с бедро штангиста расположились по обе стороны от моей талии.

Внутри отпускало напряжение, скопившееся за эти долгие сутки. Война ещё не закончена, но эту битву я выиграла. Хотя бы за Мишку. Осталась сущая мелочь – вернуть Ричарда.

Дверь палаты резко распахнулась, отчего я вздрогнула, резко оборачиваясь, и раздраженный голос Курта потонул в громовом предупредительном зверином рыке.

Мишка встал на защиту своей избранницы, до которой, наконец, дошло, почему палата такая большая. Даже огромная. И очень скудно обставленная. Это палата для оборотней, которые могут обернуться в любой момент. А кровать все равно хлипкую поставили, медведю-то.

Интересно, они вообще рассчитывали на благоприятный исход? Или спецпалата – просто уступка правилам?

Курт стоял как истукан с острова Пасхи, такой же каменный и с таким же поджатым в ниточку ртом. Это правильно, не надо раздраженному зверю зубы демонстрировать. Зверь между тем аккуратно, не задев меня, развернулся к посетителю и с неповторимой медвежьей грацией встал на задние лапы и выпрямился во весь рост.

И это Мишку-то они называли слабым зверем?

Воспользовавшись моментом, я поднялась на ноги, не сводя с него ошалелого взгляда. Мишка обернулся и тихо рыкнул, словно заворчав. Каким-то образом я поняла, что он хочет, чтобы я при чужаке вела себя тихо. Целитель тем временем бочком-бочком и выскользнул за дверь.

– Мишка, это Курт, твой целитель. Ты прекрасно это знаешь. Ричарду будет за тебя стыдно.

– Р-рёо-о. – Меня явно пытались вразумить.

– И не спорь, води себя прилично, – зашептала я ласково.

Страх перед зверем испарился, осталось удивленное умирание и нежность. Только сейчас я окончательно поняла, что мы справились.

– Миш, позови Ричарда, а? Я домой хочу, – попросила я надтреснутым голосом. Сил уже и вправду не осталось. Ни в эмоциональном плане, ни в физическом. Чувство было такое, что по мне трактором проехали, а после закатали в асфальт.

– А вот этого, деточка, не надо, – в палату, как порыв ветра, ворвалась Рамона. Несколько размашистых шагов, и вот она стоит на расстоянии вытянутой руки от Мишки. – Ах, какой красавец! Не мотай головой, а то сейчас обернусь и задам тебе трепку.

– Почему нет?

– Потому что ему необходимо побыть в звериной форме хоть часок, чтобы закрепить связь. Это во-первых, а во вторых, домой мы пойдем не к тебе, а к нам, как только Ричард вернет себе человеческий облик.

– Рвау!

Я беззвучно засмеялась. Мишка выразил свое несогласие с мамой, разве что огромной головой не замотал, показывая недовольство.

За дом я не переживала, на моих сотрудников можно было положиться. Мы ещё с Ричардом ничего не прояснили, так что к полноценному знакомству с родителями я была не готова. Сейчас, когда страх потерять любимого несколько от-

ступил, я вдруг почувствовала себя некомфортно. Необходимо было освежиться и переодеться, выспаться, а самое главное, элементарно прийти в себя. И Ричарду на природе будет легче наладить новые отношения со своим зверем, я знала это точно.

Дверь приоткрылась, и опять появился Курт в сопровождении Рауля и, к моей радости, Флина. Братик сразу занял наблюдательную позицию у окна и слился с интерьером.

– Поздравляю! – Целитель выглядел настороженным. – Но попрошу не забывать, что у нас госпиталь, а не вольер для...

– Осторожно, Курт, не сравнивайте оборотня с животным, наживете себе врагов, – папа Ричарда широко улыбался, приобнимая целителя за плечи. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что так он показывает Мишке свое покровительство. Надо взять на заметку, только боюсь, что, если я обниму Курта, будут жертвы.

А Рауль откровенно любовался ипостасью сына. Да ещё и матушка вокруг ходила, рассматривая новый сынулин облик. Это родительское любование было столь ярким, что Мишка засмутился. Он шлепнулся на зад и прикрыл лапами опущенную голову.

– Какой эмоциональный зверь получился! – Рамона восторженно захохотала.

– Может, нам пойти на улицу? – наконец сообразила я, что зверь тоже имеет потребности.

Рамона тяжело вздохнула. Она по собственному опыту

знала, как трудно оборотню в городе. Ричард рассказывал, что в какой-то мере доволен тем, что его оборот частичен, потому что крупной маминой медведице тяжело в городе. Мало того что простора не хватает, так ещё и многообразие ароматов покоя не дает. У медведей обоняние покруче, чем у кошек.

– Если нам нужно просто выждать время, то не обязательно сидеть здесь, – поддержал идею Флин.

Но госпиталь мы так и не покинули. Слишком много было опасений. Как магия повлияла на Ричарда, спало ли проклятие? Все это оставалось тайной, покрытой мраком.

Но ни через назначенный Рамоной час, ни через два, ни через три вернуть Ричарда нам не удалось. Мишка и близко к себе не подпустил ни Рауля, ни Сайтона, ни декана целителей. Утробное ужасающее рычание усиливалось, стоило лишь «чужакам» начать приближаться. Поэтому разговор велся на расстоянии. Предположение, что сила была усвоена зверем, казалось интересным, да только проверить его не получалось.

Ситуация становилась угрожающей. Флин тоже был беспомощен, Ричарда он не слышал, но чувствовал эмоции Мишки. Впрочем, это я и сама чувствовала. Даже лучше, чем Флина по эхо-связи. В одну минуту казалось, что передо мной ребенок, а уже через секунду он превращался в хищника, оберегающего свою территорию. Ричард же закуклился в своем призрачном счастье и призывам зверя не верил,

да и сложно верить в картинки-образы про полный оборот, когда мужчина всю жизнь прожил с мыслью, что он неполноценен. Так что реальность воспринималась играми разума, а дурман, навеянный проклятием, реальностью.

– Миш, передай Ричарду, что свадьбы не будет, если он немедленно не вернется! – угрожала я больше для проформы, чем действительно веря, что это сработает. Прошло несколько часов, а мы не продвинулись ни на йоту. В ответ Мишка лишь сопел и старался подгрести меня поближе. Да куда уж ближе, если он от меня не отходил.

Отчаяние дошло до того, что я начала уговаривать зверя порычать на меня как следует, чтобы перепугалась. Была у меня призрачная надежда, поданная Раулем, что Ричард почувствует мой страх и вернется, но Мишка категорически отвергал эту идею. И делал это презабавно: заходил мне за спину и упирался лбом в лопатки – прятался. Эта игра, похоже, ему нравилась, потому что мне приходилось цепляться за густую шерсть, чтобы не упасть от ласковых боданий. От всех попыток облизывания я успешно уворачивалась, хватало и одного раза. Так что идея Рауля вызвать у Ричарда испуг оказалась провальной. Мое предложение пригласить на роль пугача другого оборотня вызвало негодование всех. Курт стenal, что только драки обратной ему здесь не хватало, Рамона боялась, что Мишка озверееет и возьмет окончательный верх над Ричардом, Флин – что я пострадаю.

Медленно, но верно мы теряли надежду. Сидели на полу,

используя матрац, и обсуждали, что может вырвать Ричарда из его счастливых иллюзий. Сам Мишка дремал, уткнувшись носом мне в бок.

– Не отстраняйся, Лиза, потерпи, – устало попросила Рамона, наблюдая за моими мучениями. Было безумно жарко, и я пыталась слегка отодвинуться. – Я понимаю, что тебе неудобно так сидеть, но зверя раздражают острые запахи госпиталя, вот он и спасается твоим ароматом.

– Какой уж там аромат, от меня ароматы хуже, чем от поросят на ферме, – пожаловалась я, вспоминая, как переполтела во сне, но в итоге осталась сидеть на месте. Зверя было жалче, чем себя.

– Это неважно, поверь. Я ароматом своего Рауля наслаждаться буду, хоть в болотной жиже его искупай.

– А почему Мишка? – спросил Рауль.

– Дорогой, это, похоже, интимное... – предостерегла женщина, на что Рауль усмехнулся и отступил.

– Не интимное, – смущенно опровергла я, – но предпочту рассказать в другой раз.

Мы надолго замолчали. Ситуация становилась все хуже. Ричард витал в иллюзиях и слабел. Зверь вел себя спокойно, но надолго ли? Создавалось ощущение, что, несмотря на размеры, Мишка был еще дите дитем. И кто знает, что этому ребятенку взбредет в голову?

Ух, заблудившийся в мечтах Ричард заслуживал отличной трепки, но под рукой был только Мишутка.

Внезапно зверь напрягся, а Рамона насторожилась. Минуту спустя и я услышала шаги нескольких человек. Раздался короткий стук, и в комнату ввалились развеселые Трой, Влас и Ник в компании еще одного военного, которого я раньше не встречала. Палата наполнилась радостным гомоном.

– Здравствуйте, – праздничным салютом загредел обычно выдержанный Влас, – ну, как вы тут?

– Ждем, – коротко ответил Флин, развалившийся на подоконнике.

Гости переглянулись между собой, затем посмотрели на наши кислые физиономии, и градус веселья слегка упал.

– Ричард, ты наконец обернулся. Как я рад за тебя, дружище! – Ник, ни секунды не сомневаясь в своих действиях, уселся на пол перед медведем. А поймав мой недоуменный взгляд, пояснил: – Эти лапки и коготочки я из сотен узнаю. Сколько раз он меня ими валял на тренировках? Не счесть, – в шуточной форме делился информацией Ник, словно пытаюсь подразнить товарища. – Давно не виделись, Лиза.

Действительно давно.

– Здравствуйте, Лиза, – радостно оскалился Трой, – вот, познакомьтесь, это Шемин, наш товарищ из другой команды. Он не поверил, когда пришла весть, что Ричард обернулся полностью, увязался с нами, чтобы убедиться. Тоже оборотень.

– Кошак, – пренебрежительно пробормотала сидящая рядом Рамона. С друзьями сына она, видимо, была знакома, их

появление удивления не вызвало.

Медведь на Шемина оскалился, стоило ему только сделать шаг вперед. Это был не дружеский рык, это было *предупреждение*, понятное абсолютно всем. Все веселье мигом испарилось, а его место заняло напряжение, которое можно было резать ножом. Шемин же, нисколько не смутившись, изящно мне поклонился, обворожительно улыбаясь, отчего даже грозное рычание отошло на задний план. Я не заметила его стремительного движения, а он уже держал меня за руку, склоняясь к ней с поцелуем. Его мягкие пальцы поглаживали чувствительную кожу в точке пульса, вызывая внутри порхание миллиона бабочек.

Шемин поймал мой взгляд, и я позабыла обо всем, в трепетном ожидании того самого легкого прикосновения губ и...

От громового рева медведя задребезжали стекла. Стоило отвести взгляд от Шемина, как влечение схлынуло, оставив сосущую пустоту и ощущения неправильности происходящего.

Или правильности, потому что в следующую секунду в скулу кота врезался кулак злого Ричарда, который предстал перед нами абсолютно обнаженным.

– Ревность – лучшее лекарство, – в голос смеялся Ник. – Я же говорил!

Глава 4

Рауль и Рамона вскочили, не зная, что предпринять, пока голый Ричард мочалил моего несостоявшегося ухажера. Впрочем, это не продлилось долго. Нашего спящего красавца в чувство привела мама:

– Сынок, я, конечно, рада тебя видеть, но не мог бы ты прикрыть то, чем природа так тебя одарила?

– Рамона! – смеясь, одернул жену Рауль.

– Что? – немного нервно отозвалась женщина и тут же продолжила: – Я его бесштаннм видела в последний раз в пятилетнем возрасте, и с тех пор, знаешь ли, он вырос!

Палату заполнил громогласный хохот мужчин, даже кошак Шемин сидел на полу и ухмылялся разбитыми губами. Ричард и впрямь выглядел обескураженным, словно только сейчас осознал себя и окружающую обстановку. Недоуменно оглядев свою вопиющую наготу, он метнулся к обрушенной кровати и замотался в одеяло на манер римского патриция. Я хихикнула, чем и привлекла к себе внимание героя дня. Но воссоединиться нам было не суждено, стремительная медведица взяла сына в плен материнской радости, к которой два мгновения спустя присоединился Рауль. Я даже немного позавидовала этим крепко обнявшимся троим, которые молча стискивали друг друга и не нуждались в словах.

Словно услышав или как-то еще уловив мой тихий вздох,

Ричард поднял глаза, между нами протянулась невесомая паутинка, по которой ко мне устремилось эхо его эмоций: острая мужская тоска и что-то по-детски игривое. По опыту эхосвязи с братом я поняла, что чувствую: переживания Ричарда и тень эмоций Мишки. Контраст желаний этих двоих заставил меня ухмыльнуться. Это было ошибкой, глупо ухмыляться в лицо эмоционально нестабильному оборотню. Деликатно освободившись из родительских объятий, Медведь устремился ко мне. Мгновение – и я оказалась в крепких, вышибающих дух объятиях, а вокруг нас возник кокон из одеяла. Я обнимала не слабее. Ребра Ричарда едва не трещали, чувств я вкладывала не меньше, и главным было ощущение всепоглощающей радости – ВЫЖИЛ. Выкарабкался! Вернулся. Они оба вернулись ко мне, мои мужчины. Хотя, скорее, не мужчины, а мужчина и малыш вроде нашего Алика. Мишка получился ого-го какой, но по сути – сущий ребенок.

Сколько бы мы так простояли, наслаждаясь циркулирующими между нами чувствами, даря друг другу тепло и без слов обещая все, что может дать взаимная любовь? Неизвестно. Мы бы и не пошевелились, если бы нас с грубоватой непосредственностью не прервали друзья Ричарда.

– Командир, – кокетливым тоном неунывающей гризетки, прошебетал Трой, – я тоже обнимашек хочу!

Это послужило сигналом к тому, что сослуживцы Ричарда кинулись его трепать и тискать, как бы случайно не заме-

чая меня. Точнее, очень хорошо замечая и принимая в свое товарищество как свою.

– Командир, вот вернешься, парни тебе взбучку устроят. Перепугал всех знатно! Вокруг тебя такая энергия бушевала, что подойти не могли. А потом ещё и целитель заверил, что шансов никаких. Мы уж думали всё... кранты...

– А остальные? – торопливо перебил Ричард, словно боялся не успеть. – Остальные как? За нами с Фоксом ещё шли как минимум трое. А Фокс?

– Да что ему сделается, он даже испугаться не успел, желторотик, как сработал амулет. Очухался после удара, да и кинулся тебя выносить. С остальными тоже все в порядке.

Ричард довольно скалился, а общительный Трой обратился ко мне:

– Ну, Лиза, вы и защиту изобрели! Это ж надо, «кувалду» погасила, как свечку! Мы выжили только благодаря вашим амулетам, потрясающая штука у вас получилась. Дальше мы прошли без потерь. Как Ричард на проклятье грудью напоролся, так мы их, печати эти, видеть стали, обходили без проблем. Печать проклятья близко – амулет синим светится. А фаерболы от защитного кокона просто назад отлетали, чуть ли не в руки тому, кто их запустил, вот потеха была, когда этим дедулям от собственных огнешаров спастись пришлось. Вы себе не представляете, как удивилось это магическое старичье, когда мы ворвались! «Пьяная кувалда» – это заклинание, которое считалось ранее непреодолимым. И тут

мы!

– Сынок, это все здорово, но тебе тут одежду принесли, и целитель хочет тебя осмотреть, – папа Рауль решился нарушить гармонию товарищеского общения ради насущных проблем.

С меня тоже спало очарование этого боевого единения. Ричард не ел почти двое суток, если не больше. Его надо накормить, напарить в бане и обеспечить отдых по классу «люкс». А это я могу организовать только дома, пусть мама Рамона не обижается, но знакомство Мишки с большим миром произойдет на природе.

Мы с Рамоной деликатно отвернулись, пока Ричард подвергался тройному обследованию Курта, Сайтона и декана целителей. Надо хоть у Флина его имя спросить, а то неудобно. А, кстати, где мой коварный брат? Я задолжала ему трепку за кота, обрушившего на меня всю мощь своего кошачьего приворота. В прошлый раз Флин меня защитил, тогда почему не помог сейчас?

Брат был где-то неподалеку, но не в палате. Откликнулся он не сразу.

«Я занят, Лиз, что у тебя? Понял, не трать слова. Ник предположил, что пробить кокон грез этого лентяя сможет ревность. Он же был с Ричардом во время того пришествия котов и видел, как мужик ревновал. Вот мы и решились попросить Шемина сыграть роль беспринципного соблазнителя».

«А как же связь истинных?»

«Лиз, ну какая связь? Медведь только “вылупился”. Но ты держалась молодцом».

«Да если бы! Даже воспоминания о прошлой встрече с глумливыми кошаками не помогли!»

«Не путай клановых котов из леса и тех, кто живет среди людей. Это почти разные народы. Все, мне пора. Увидимся дома. Явления Мишки детям я не пропущу».

Меж тем консилиум завершил свои обследования. Никто из ученых мужей не решался заговорить первым, но лица были вполне благодушными, поэтому я не беспокоилась.

– Что скажете, господа? – Рамона начала терять терпение. Наверняка её медведице не терпелось убраться подальше от какофонии медицинских ароматов, а мужчины тянули время, переглядываясь.

– Да все просто необыкновенно благополучно, не так ли, коллеги? – Сайтон по привычке взял ответственность на себя.

Целители дружно закивали.

– Небольшое физическое истощение, но это от голода и полного оборота. Что самое поразительное, магический резерв цел и полон. Ричард теперь уникальный экземпляр оборотня-мага.

– Да это редчайший случай, когда оборотень владеет человеческой магией. – Декан целителей был доволен. – Вы, друг мой, – обратился он к Ричарду, – не считите за труд

появиться в ближайшее время в академии. На службу вам нельзя, ваш зверь не стабилен, а нам надо посмотреть как и что. Быть может, ваш опыт поможет другим смескам с теми же проблемами. Да и на кафедре расововедения заинтересуются.

– Я против, – возмутилась Рамона. – Ему нужен отдых.

– У него будет отпуск для обретения связи со своим зверем, – заверил Ник.

– И делать это лучше на природе. Поместье отлично защищено. И Ричарду, и его юному зверю там будет хорошо, поверьте, Рамона, – поддержал нас Сайтон.

Вот и славно, не придется отбиваться от обременительного гостеприимства будущей свекрови. У меня еще будущего мужа-то нет, если формально. Домой хочу, очень. В баньку. Ричард заинтересовано взглянул мне в глаза. Он что, понял?

– Мамуля, отец, вы не обижайтесь, но мы лучше вернемся в поместье. Я завтра буду, ректор Сайтон, не беспокойтесь. – Ричард усмехнулся. – Подозреваю, что иначе вы меня в госпитале запрете. Приказом командования.

Ректор лишь слегка дернул уголком рта, подавляя усмешку.

Хорошие родители у Ричарда, понимающие. Рамона позволила себе лишь вздох. И ни слова упрека. Вот это контроль над медведицей, а с виду такая хрупкая, как былинка.

– Чтобы оба явились на семейный ужин через три дня! Или я сама к вам заявлюсь в гости медведицей!

На этом и сговорились. Товарищи Ричарда, прежде чем уйти, ещё немного потрепали своего друга, радуясь, что он жив и здоров. Следом ушли целители, а там и родные, потребовав обещание явиться на семейный ужин для более плотворного знакомства.

Мы с Ричардом уходили последними, потратив некоторое время на сладкие поцелуи украдкой, пока никто не видит. А в самый последний момент на выходе из госпиталя меня остановил Сайтон.

– Леди Риштар, – нахмутив брови, обратился ко мне мужчина самым что ни на есть серьезным голосом. – Проследите, чтобы утром вместе с Ричардом ко мне явился мой юный ученик. Будем разбираться, чего он там вложил в формулу!

Глава 5

Пока мы неспешным шагом перемещались от портала к portalу, я по привычке пыталась обдумать план действий на ближайшие часы и давалось мне это с огромным трудом.

Сейчас присутствие идущего рядом Ричарда воспринималось как-то иначе. Я ощущала себя победительницей в смертельно опасном турнире, а рядом шел мой и только мой заслуженный приз. Это было чертовски приятно и мешало определиться со стратегией моего поведения дома. Очень сомнительно, что мне удастся скрыть от домашних наши особенные отношения с Медведем, уж слишком я была наполнена чувствами, которые никак не хотели устаканиться. Они бурлили, перемешивались, сплетались в тугие комки пережитых страхов, расплетались вновь, образуя новые комбинации, пронизанные надеждой. И самым главным было ощущение свободы. До этого момента я и не подозревала, в каком напряжении живу. Сейчас, когда страхи рассосались, я увидела свои внутренние блоки, преграды. Боялась своей новой любви, которая проникала в сердце маленькими шажками. Ну какая любовь, когда тебе уже под сорок? Любила уже, да так, что на много лет вперед хватило. Да и нахлынувшие чувства пугали неизвестной стороной, импринтингом. Эта оборотничья привязанность раньше казалась искусственной, как любовь под приворотом. Чувство к Мишке ро-

дилось сразу, с первым же прикосновением к бурой жестковатой шерсти, и сейчас горело в груди неугасимой лампадкой. Разве его можно не любить?!

Но Ричард...

Страх за его жизнь перевернул сознание. Заставил переосмыслить происходящее между нами. И задать себе главные вопросы.

Люблю ли я его?

Да.

Хочу ли провести с ним оставшуюся жизнь?

Определенно. Ни с кем другим я не чувствовала себя столь защищенной и любимой.

Могу ли я быть с ним?

Вопрос в том, а захочет ли сам Ричард? Ведь я иду в комплекте с Димкой. Примет ли он НАС? Поладит ли с ребенком? Себя-то я доверю Ричарду не задумываясь, а сына? Димка, безусловно, в безопасности, но этого недостаточно... в семье важна гармония и понимание.

Я шагала рядом с моим оборотнем и была полна решимости приложить максимум усилий, чтобы сделать из трех разных людей одну дружную семью. Ячейку общества.

Возвращение домой прошло так обыденно и незаметно, как будто мы с Ричардом в сотый раз приезжали из недолгой командировки. Нас встречали радостными улыбками, приветливо здоровались и не обременяли вниманием. Столярка была тиха. Обед уже закончился, малыши наслаждались

дневным отдыхом, старшие были на уроке у Реджинальда. Гевин перебирал свои графики за столом в столовой, на кухне продолжала суетиться Василиа – время выпечки хлеба. Вот неугомонная! Помощницу ей мы так и не нашли. После прошлой провальной попытки идею задвинули на задний план, а надо бы решить проблему.

Эта мысль стала спусковым механизмом, после которого мозг привычно начал перебирать нерешенные проблемы. Не хватало стазис-ларей, количество одежды у детей увеличилось едва ли не вчетверо, старенькие очистительные артефакты не справлялись со «стиркой», бизнес требовал внимания, личное обучение артефакторике практически заброшено, а знаний Эмилиии было уже недостаточно. В личной жизни намечался перелом, который потребует много сил. А еще маленький Мишка. Флин же не зря намекнул на грядущие проблемы. Прямо сказать не мог, вреднячий брат. Из далекого далека пришло тусклое «сама». Ну, сама так сама. Забота брата согрела ласковым солнышком – даже при зашкаливающей занятости он находит силы отслеживать меня в режиме онлайн.

Не успела я оглянуться, как Василиа уже ставила перед Ричардом миску густой мясной похлебки, которая вполне могла заменить и первое, и второе разом, но по кухне плыл дух жарящегося мяса. Василиа считала своим долгом знать кулинарные предпочтения всех в доме, и я не сомневалась, что на моей тарелке окажется хорошо прожаренная отбив-

ная, пусть из-под стазиса, но тем не менее. А Ричард получит свинину средней прожарки без специй и почти без соли. Баня откладывалась.

Как бы мне ни хотелось обсудить, услышать, наконец, о чем таком грезил мужчина, но все это пришлось отложить до вечера. Вихрь бытовой суеты разнес нас с Ричардом в разные концы поместья. Я помчалась к швеям – сочинять гардероб для моего оборотня, а потом в классы и в библиотеку. Ричарда же моментально оккупировали юные столяры, потащив в мастерскую хвастаться креслами-качалками с мягкими сиденьями. И то верно, большое мероприятие в гильдии столяров все приближалось.

Только после ужина у нас появилась минутка для себя. Ну, мы так думали, только вот Фырку не терпелось похвастаться.

Сколько меня не было? Два дня? Или все-таки больше?

На огороженном рейками пяточке взрыхленной почвы красовалось кустистое растение, напоминающее декоративный паслен, только масштабней. Растение уже готовилось зацвести.

– Это свиун-корень? – спросила я у нашего ботана. – Так быстро?

– О, леди управляющая, мы с Коркой вчера полночи дежурили! Так интересно! – глаза Фырка горели фанатичным огнем. – Мы ямку вырыли, семечко положили, только закопать хотели, а оно ка-а-к развернется, чисто гусеница, к-а-

а-к поползет и давай закапываться. Это мы ямку маленькую вырыли.

Я представила этот ужастик: есть семечко, крупное, завитое шипастой спиралькой, но семечко. И вдруг оно разворачивается и ползет, отталкиваясь своими шипами, закапываясь как червяк. Бррр.

– Ну, полили немножко и стали загородку делать, – пацан явно получал удовольствие от впечатления, которое произвел на меня его незатейливый рассказ, и по обыкновению фыркнул. – Пока за рейками в мастерскую ходили, оно уже росток дало. Представляете! Росток! Мы же его глубоко посадили, как картошку. Часа не прошло – и росток!

Фырк, то есть Марк – вот ведь приставучее прозвище, – жестом фокусника извлек деревянную двузубую вилку и осторожно начал подкапывать землю сантиметрах в тридцати от точки роста. Совсем быстро на поверхности появились бледные утолщенные образования, формой и цветом напоминающие корни хролофитума. Теперь я поняла, почему растению отвели столь большой кусок драгоценного тепличного пространства. Через отведенную дриадами неделю при таких темпах роста корни займут добрый квадратный метр площади. Интересно, а сколько в глубину? В любом случае масштабы вполне пригодные для нашего многолюдья. Что ж, будем массово укреплять память. А то кучу литературы перерыла в поисках подходящих формул. В дневнике Эмилии мне встречалась схемка рунного става для запоми-

нения, но у меня обычные дети, а не студенты-маги.

Обычный домашний вечер в гостиной перед камином раз-
нообразился тем, что малыши решили показать, чему научи-
лись, пока меня не было. Ричард старался оставаться побли-
зости и охотно рассматривал новые origami, не скупясь на
похвалы кривоватым аистам.

После отбоя Гевин ни с того ни с чего решил перебраться
в сторожку.

– Мастер Гевин, – увещевал Ричард, – тут и для меня, и
для вас кровати имеются, зачем это всё?

– А затем, что в сторожке мне лучше, – Гевин, судя по
его виду, не лукавил, – засыпаю я поздно, скучно мне тут
одному. А в сторожке Ульх тоскует, бессонницей в одиноч-
ку мается. Там мы хоть поболтаем, дела обсудим, может, и
крепкое словцо ввернем. К тому же Флин что-то у парней
там подкрутил, тихо сейчас в доме. За эти дни никаких ин-
цидентов. А коль что случится, ты и сам решишь проблему. –
Нам с Ричардом оставалось только принять его решение и
смириться, потому что Гевин веско добавил: – Мужчина в
доме есть, двое ни к чему.

Я чуть воздухом не поперхнулась от такого заявления, но
промолчала. Мужчины! Все уже решили, сделали выводы, а
моим мнением не поинтересовались. Ричард лишь попытал-
ся замаскировать смех кашлем, глядя на мою вытянувшуюся
физиономию. Вот вам и мужчина в доме! Нате, распиши-
тесь!

Мы проводили Гевина до сторожки, где на приступке по обыкновению курил дедушка Ульх. Он похлопал по местечку рядом с собой. Ну, хоть не на голом камне сидит и мне утепление приготовил. Я прижалась к крепкому плечу родного человека, приветствуя.

– Ну вот, вернулись, голубки, рад за вас, – Дед выпустил из-под усов долгий дым. – Ты зверя своего не прячь, командир. Не упрячешь. Не от этого прохиндейного народца. А будешь детей за нос водить – обидятся и отомстят, помани моё слово.

– Да рано ещё знакомить. Я сам этого зверя знать не знаю, мало ли что?

– Может, не сразу, но познакомить нужно. Это всем на пользу пойдет. Страхов дурных меньше будет. Зверю твоему опыт, опять же. Вам с голубкой – авторитет.

– Дед, ну, я понимаю, Ричард – целый медведь, это ого-го как круто. А мне какой авторитет?

– А ты как думаешь? – вопрос Гевина прозвучал как тонкая издевка вперемишку с веселой насмешкой.

– Ты уж за несмышленишей детей не держи, – припечатал Ульх. – Разве ж они без глаз и ушей? Даже Пат с Амирчиком знают, что у вас любовь.

– Что, прямо так и говорят – любовь?

Мне стало смешно. Интересно, есть ли здесь дразнилки вроде нашей, про жениха и тесто? В устах категоричной Пат это звучало бы очень органично.

– Всяко говорят, да споров больше. Девчонки гордятся: управляющая самого оборотня, мага и командира Теней за-получила. Это тебе не жених деревенский. – Дед наслаждался последней затяжкой, выбил трубку и неторопливо убрал ее в кисет. Дал нам время обдумать свежую информацию. – Однако это им не помешало разругаться друг с другом в пух и прах. Поварята перессорились со швеями на предмет: быть свадьбе или не быть. Так что, голуби мои, с жениховством не тяните. Нечего будоражить детские умы.

– А девчата что не поделили? – Только групповых разборок нам не хватало.

– Швеи не верят, что аристократка замуж за простого военного пойдет, пусть он и тень. Мол, не ровня он тебе. Кухорята, напротив, уверены, что пойдешь. Да и парни на их стороне. Те за тебя, милоч, стоят горой. А как же? Тень, маг, герой, да еще и оборотень. Это не хухры-мухры, получше всяких аристократов холеных. В общем, на блюдо пирожных поспорили, если проиграют.

– А если швеи проиграют? – невзначай поинтересовался Ричард, и как-то сразу стало понятно, на чьей он стороне.

– А швеи обещали косынок с бахромой на всех.

Это из каких же это ресурсов мои девицы собрались своё пари обеспечивать? Баллов у них много? Да, может, дело и не в ресурсах. Быть объектом сплетен и обсуждений мне совсем не нравилось. Что в прошлой жизни, что в нынешней. Мы сами ещё не разобрались что к чему, а окружающие уже

все решили за нас. Посыпать голову пеплом тоже дело не из приятных, хоть я и понимала, что виновата сама, дала повод для двусмысленных кривотолков.

Мы брели к дому и думали об одном и том же. А может, и не об одном. Хотелось поговорить, прояснить все, да начать я боялась. По привычке ждала первого хода от мужчины, но и Ричард молчал. Внезапно тишина была нарушена, но услышала я вовсе не то, что хотела бы.

– Лиз, переберусь-ка я пока в свою комнату, разбередил мне душу твой дед. – Я недоуменно всматривалась в плохо освещенное лицо, пытаюсь понять, что нашло на Ричарда. Мужчина лишь горько вздохнул и пояснил: – Боюсь обернуться во сне и навредить тебе. Спать на пол лягу, чтоб кровать не разворотить. Да и нам с Мишкой надо побыть вдвоем и наладить контакт, а твоё присутствие поблизости... отвлекает. – Сверкнула белозубая улыбка. – Как здорово, что ты дала ему имя.

Глава 6

Казалось, я только заснула, устав от бесконечной мысленной круговерти, как меня разбудил шепот Ричарда и одновременный эмоциональный толчок. Странное шаловливое настроение у кого-то под утро.

– Лиза, зверь выспался и просится наружу. Я могу его удержать, но думаю, надо выгулять, пока все спят. На улице никого, так безопаснее, да и ему быстро станет скучно.

– Пойти с тобой? – получилось что-то невнятное, так как спросонья я задала вопрос, уткнувшись в подушку. Пришлось повторить.

– Было бы здорово. Заодно запасную одежду прихватишь, а то я как-то не сообразил спросить у мамы про *дороговой* амулет.

Эта просьба заставила меня окончательно проснуться. В палате после оборота Ричард предстал в чем мать родила, хотя летом, в той давней истории, другие оборотни проблем с переодеванием не испытывали. Вот котище несется огромными скачками, а вот уже мужчина, хоть и без рубашки, но в штанах.

Получается, есть какие-то специальные устройства, сохраняющие одежду в первозданном виде? Оказалось, что да. Отец или старший мужчина в доме делал подвеску, которой предстояло стать амулетом. Иногда это был просто отшли-

фованный кусочек дерева, иногда – изящная вещица. Потом заготовка выдерживалась в крови будущих родителей. Затем маг, пользующийся доверием семьи, накладывал стандартные чары. Всю беременность будущая мама носила эту заготовку, напитывая ее своей энергией и желанием передать свои особенные навыки ребенку. Такой амулет в итоге не только сохранял одежду, но и делал процесс оборота менее болезненным для детей.

От дома решили не отходить. Пятый час утра, самый сон, кто нас увидит? Оказывается, увидели. Почему не спалось болтливому Пинкy этим утром, не знаю, но днем дом гудел от перешептываний от том, что вокруг поместья бродит огромный медведище. Черный, как бездна. И страшный! Не иначе, как заколдованный, а как бы он тогда защиту прошел? Вот вопрос!

Столько пересудов и досужих домыслов только из-за того, что кто-то увидел Мишку из окна. Кажется, засиделся мой народ в вынужденном карантине. Чудо, что мальчишка меня не заметил на лавочке, сплетник глазастый. Это Мишка везде ходил, следы оставлял, пытался влезть на балансирные качели. Еле уговорила его, что старое кострище – это не берлога и укладывать меня туда спать не надо. Опять петь ему пришлось, паразитику. Песенку Чебурашки. Шепотом, иначе Мишка принимался подпевать. Что он понимал в моем пении на родном языке? Ведь про «голубой вертолет» не переведешь. Интересно будет спросить у Ричарда. С каждым

оборотом моя эмоциональная связь с ними обоими укреплялась, так что я не удивлюсь, если однажды Ричард заговорит по-русски, пою-то я только на нем. Надо хоть пару местных мелодий выучить.

Довольно быстро я замерзла, и Мишка стал подталкивать меня носом к двери в дом. Он понимал, что я слишком хрупка для его объятий, Ричард каким-то образом сумел это до него донести. Через пару часов, когда дом начал оживать, прогулку решили свернуть. Оборот в человека дался мужчине не без труда. Я чувствовала их внутренний спор с Мишкой, но так или иначе договоренность была достигнута. Медведь посопел мне в шею – попрощался – и ласково подтолкнул, чтоб отвернулась, исхитрившись-таки лизнуть щеку напоследок.

Ричард быстренько оделся, предрассветная прогулка еще не закончилась – нам пришлось поскакать по двору, чтобы затоптать медвежьи отпечатки на снегу. Да только неугомонная ребятня сразу после завтрака нашла следы когтей на качелях, которые просто так не спрятать. Интересная штука – детская логика. Пари на свадьбу с оборотнем заключать – это да. А догадаться, что медведь и есть оборотень – никак! Вот что значит сила первого впечатления. Воистину, у страха глаза велики!

Надо потряхнуть Флина на предмет карантина. Когда его уже снимут? Детям заняться нечем, новоявленные студенты превратились в прогульщиков, да и на ферме дел невпрово-

рот – Куклу вычесывать некому, вот пойдет пушистая колтунами, что делать будем?

Карантин продлился ещё два дня. Ротация нескольких десятков воспитанников всех возможных возрастов и темпераментов не способствовала тишине и спокойствию. Ситуацию спасали учителя.

Реджинальд без устали напоминал детям о предстоящем поединке с деревенскими и закусил удила. Сопротивляться было бесполезно. Занятия стали более разнообразными – наравне со скучными лекциями стали проводиться различного рода командные викторины и активные игры. В ход пошли даже какие-то артефакты.

Одним из них был летучий указатель в виде шарика размером с женский кулак. Чтобы не сдвигать парты в классе, занятие проходило в просторной гостиной. У меня энтузиазм Реджинальда вызывал опасения, а ребята ничего, притерпелись, наверное.

– Что ж, посмотрим, как вы усвоили пройденное. Разбились на пятерки. Первая пятерка – ты, ты, ты и вот вы двое – встаньте передо мной, нет-нет, подальше, – ребята подчинились, заинтересованные новой «игрушкой». – Работаем следующим образом. Пока указатель летит к вам, я задаю вопрос. Ваша задача отбить и правильно ответить, пока он возвращается обратно. Начинаем на самой низкой скорости.

Почти сразу стало понятно, отчего артефакт назван летучим указателем: он не падает и движется в строго задан-

ном направлении. Вот сейчас он завис перед недоумевающим Виртом.

– Хорошо придумано, Вирт. Время на раздумья есть, но шар не отбит, ответ не засчитан, – голос Шпиля звучал ровно. Вирт, сообразив, что от него требуется, неловко толкнул шар ладонью в сторону учителя. – Для остальных правила понятны?

Следующий бросок последовал без предупреждения, и на этот раз все прошло как следует. По моим наблюдениям, шар отбивать было крайне неудобно и это отвлекало детей: вместо того, чтобы соображать и выпаливать ответ, они обдумывали, как половчее отбить шар.

Ребят выручил Димка, очень ловко делавший посыл за посылком. Сразу видно, что ребенок – ас пинг-понга. Встал бочком, как будто на столе играет, зафиксировал ладонь наподобие ракетки и явно пытался экспериментировать с силой удара, чтоб шар двигался не слишком быстро, но долетал. Подсказать ему, чтобы ракетку себе смастерил, или не надо? Ведь это не последний тренинг, или я не знаю Реджинальда.

Димка, завидев меня, сверкнул радостной улыбкой и вопросительно задрал брови, мол, ну как? Здорово? Я украдкой показала ему большой палец и мотнула головой в сторону кабинета, надеясь пообщаться после вечерних занятий.

Дальше дело на импровизированном уроке пошло веселей. Дети быстро включились в опрос, воспринимая его как игру. Легкие на первых этапах вопросы этому способствова-

ли, а дальше появился дух азарта и соперничества. Я с интересом наблюдала за шумной компанией и уже планировала уйти, но тут мальчишек сменили девчонки. И я передумала, подчиняясь неясному предчувствию.

Все началось с Трейси. Бойкая и неглупая девушка мало походила на самую себя, когда начинала паниковать, заикаться и краснеть как маков цвет. С чего бы? Четверть часа наблюдений убедили меня в том, что девочки ведут себя несколько неадекватно. Кто-то краснел, кто-то потел, спотыкался... Я смотрела на этот бедлам и не верила своим глазам. Девушки фанатели по учителю?!

Только этого для полного счастья не хватало. Что делать с оравой влюбленных девчонок? И в кого! В статных геройских теней они не влюблялись, а вот в это аристократичное недоразумение – на тебе!

Остаток занятия я наблюдала за самим Реджинальдом, который, к моему огромному облегчению, никого из учениц не выделял, а относился, казалось, ещё строже, чем к парням. По крайней мере, похлопываний не делал точно.

Колкие замечания заставили девочек очнуться от воздействия розового тумана и подключить мозги, только проблемы это не снимало. Мало того что они вели себя как фанатки модного бойз-бенда, так они еще и между собой соперничали. Ну это, положим, хорошо, если сумею направить в нужное русло. А если нет? В любом случае надо посоветоваться с остальными женщинами и в первую очередь с Паулой. Да

и Вила наворачивала в курсе закулисных процессов.

Димка у меня в кабинете появился вечером, практически перед отбоем. Я смотрела на ребенка и вспоминала Рамону, поражаясь её выдержке. Она не позволила себе быть навязчивой ни на секунду, несмотря на то, что каждую минуту их тех двух суток могла потерять сына. А вместо этого доверила жизнь своего ребенка совершенно посторонней женщине. Не знаю, станем ли мы друзьями, но мое уважение она завоевала однозначно.

Димка жадно слушал мой рассказ о том, как полезны оказались его амулеты.

– Так это что, я Троя и Власа спас? – Димка вновь и вновь напрашивался на похвалу.

– И Ричарда, и его команду, – лила я сироп на самолюбие юного дарования. – Ректор Сайтон хочет видеть тебя завтра. Тебя и Ричарда, ему надо разобраться, что же ты там наколдовал в этих амулетах.

– Я без тебя не хочу, мы вместе делали, – законючил ребенок. – Ричард – мировой мужик, но без тебя мне не по себе.

– Договорились.

Чудесным образом мне за эти дни в изоляции удалось выкроить время и сделать задуманный нефритовый кулон. Мой первый скромный опыт в роли ювелира. Сама себе я могла честно признаться, что кулон получился так себе – поделка. Уж очень мало было у меня времени на доводку. Зато зеленый-зеленый, как глаза моего Гризли, угловатый, как прото-

тип, – бумажное сердечко-оригами. И на очень длинной цепочке. Украшение наверняка утонет под одеждой.

Только вот прежде, чем расставить все точки над «i» с помощью ответного подарка оборотню, необходимо было решить вопрос с другим мужчиной.

– Дим, а что ты скажешь, если... – попытка спросить про меня и Ричарда с треском провалилась, стоило открыть рот, как все слова из головы вылетели. Собравшись с духом, решила начать издалека, раз уж озвучить конкретный вопрос не выходило. – Скажи, а Реджинальд вам уже рассказывал про обычаи оборотней?

– Нет, мы ещё до них не добрались, – парень мотнул головой в отрицательном жесте, и тут же сдул закрывшую глаза челку. – Но девочки задавали вопросы Пауле, пока вас не было, про то, как оборотни ухаживают за девушками. У них же спор, вот и узнавали все подробности.

– И?

– Что?

– Что она рассказала?

– Ну, если оборотень делает драгоценный подарок женщине, а в ответ получает что-то сделанное своими руками, то они становятся женихом и невестой. Ты ведь знала, да? Ричард тебе сделал подарок?

– Сделал. Дерево Грух и еще очень ценные камни для записей к нашим шкатулкам.

– Су-у-уппер! А ты?

– А я... – перебирая звенья длинной цепочки, на которой болталось нефритовое сердечко, думала, сказать или нет? – Вот, смотри.

Цепочка соскользнула с ладони, изящно укладываясь на столе, тогда как сам камень застрял между пальцами в протянутой ладони.

– Что скажешь?

– Сердце? – подросток, не скрывая недоумения, уставился на кулон, чуть ли не морщась от увиденного. – Но он же не девчонка! И почему зеленое, а не красное?

Вопросы меня так озадачили, что мысли разбежались. Я ждала совсем не такой реакции.

– Так ты не против? – Я затаила дыхание, ожидая реакции сына.

– Ричард мне нравится, он крутой и тебя любит, я вижу, – спокойно заявил Димка, который за эти полгода стал куда взрослее. – Но подарок отстой, правда. Давай я лучше ему сам амулет сделаю? – шкодливая улыбка брызнула обаянием. – Как у нас. А то опозоришься с таким подарком!

Мда, в устах подрастающего поколения истина. И с чего я решила, что подарить взрослому мужчине миниатюрный кулон в виде сердечка – отличная мысль? Да, в этом мире такого символа нет, но из уст Димки это прозвучало ну очень уничижительно.

Ладно, пусть это будет первым подарком. С понятным только нам сакральным смыслом. А там я уже подумаю над

чем-нибудь более серьезным.

– Примем его в семью, да? – хмыкнула я ребенку в макушку. Как у нас, значит, семейный.

Димка примолк, а я насторожилась. Пауза показалась невыносимой.

– Ага. – Затем последовал вздох и опять пауза. – Значит, я уже не буду старшим мужчиной в семье, да?

Вот это постановка вопроса!

– Ты по-прежнему будешь самым главным для меня мужчиной.

Димке этого оказалось вполне достаточно, остаток вечера мы обсуждали, каким будет семейный Амулет Ричарда.

Следующим утром ректор Сайтон явно нас ждал и ждал с нетерпением. Не успев поздороваться, он поспешил «пожаловаться» Ричарду:

– Ваши люди крайне несговорчивы, Гризли! Ни в какую не хотели одолжить мне свои сработавшие амулеты. Ваш заместитель, Ник, если не ошибаюсь, внял благоразумию только после того, как вырвал у меня магическую клятву, что я их верну, – в голосе архимага было раздражение пополам с усталостью. Видно, пришлось поднапрячься, чтоб добыть образцы для изучения.

– Правильно сделали, – Ричард был несколько не удивлен и не смущен поведением своих коллег. – А вот где мой амулет, я понятия не имею.

Как, впрочем, и я. Отчетливо помню, как разрезала шну-

рок, на котором висел амулет, а вот дальнейшую судьбу этой вещицы не отследила. Не до того было.

– Его предусмотрительно сохранил целитель Курт. Мы с магистром Друцисом уже изучили его, осталось сопоставить наши догадки с результатами вашей проверки, Ричард. А сейчас я бы хотел узнать, какие функции в него заложил Шон. Приступим?

– Ну, приступим.

Мы расселись тесным кружком вокруг стола для совещаний, на котором красовался серебряный поднос с аккуратно разложенными амулетами. На шнурке каждого красовалась бирочка с именем владельца. Там же лежал кулон с разрезанным шнурком – амулет Ричарда. А отдельной кучкой – брелки, в которых я опознала те, что не прошли тестирование.

– Качество начертания рун проверили артефакторы, они выше всяких похвал, – счел нужным похвалить меня Сайтон. – Вот в этих сработавших амулетах магия абсолютно однородна, а в отбракованных ваши с Шоном магии, Лиза, не смешались, а наложились пластами. У меня возник вопрос почему?! Шон, вспомни, о чем ты думал, кроме того что желал сплести защиту.

Сайтон начал дотошно выпрашивать, что, как, в какой последовательности делали мы Димкой.

Димка привычно спрятался за отросшей челкой. Долго молчал и никто не смел прервать его воспоминания.

– Эти были первые, наставник, я их запомнил, потому что

их делал Пепел, мой друг. Видите, они светлее остальных.

– О чем ты думал, когда вливал силу? Какие свойства закладывал?

– Да как обычно, думал про бумеранг. Еще думал про радар.

– Радар? – переспросил ректор, не понимая смысла слова.

– Радар, – начала объяснять я, с застарелым раздражением вспоминая радары ГАИшников, – это такое устройство, которое улавливает малейшие колебания энергии и подает сигнал, если они превышают норму.

Объяснение получилось так себе, но не объяснять же про превышение скорости непуганным жителям мира Араш?

– Теперь понятно, почему амулеты светились при приближении к проклятийным печатям, – ректор кивнул, словно одна из догадок подтвердилась. – Но эти амулеты остались нерабочими. Вспоминай дальше, Шон.

– О маме, – ответ прозвучал несколько неуверенно, а детский голос дрогнул, отчего мое сердце захлебнулось нежностью. – Она так хотела помочь теньям, что я попробовал сделать так, чтобы ее руны стали еще сильнее.

– А ты знаешь, что это за руны?

– Да, она объясняла. Вот эта – для защиты здоровья, а вот эта, – Димка перевернул бляшку кулона, – отклоняет поток плохого воздействия.

Сайтон замолчал, а я во все глаза смотрела на Ричарда, который начал осознавать, что эти чудодейственные амулеты

создал ребенок. Его эмоции метались как шарики в раскры-
ченном лототроне: понимание, недоверие, отрицание, бла-
годарность, восхищение, радость сопричастности и наконец
гордость, мол, знай наших.

Ректор хмурился, словно мозаика не складывалась, толь-
ко вот очередной вопрос пришлось отложить – в дверь по-
стучались и, после короткого «Войдите» на пороге появился
декан башни целителей.

– Здравствуйте, магистр Друцис, – поздоровался Димка.

– Привет, Шон. Ну что, разобрались, что ты там наме-
шал? – добродушно поинтересовался декан, мимоходом здо-
роваясь со мной и Ричардом.

– В процессе.

– Ну, тогда не буду отвлекать. Ричард, я, собственно, при-
шел за вами. Как себя чувствуете? Еще раз оборот был? Как
прошло? А при обратном обороте затруднений не испыты-
вали, нет?

Мы с интересом наблюдали, как активный целитель чуть
ли не под ручку уводит ошеломленного потоком вопросов
Ричарда на обследование. Димка от такого напора аж рот
приоткрыл, а Сайтон лишь со скупой улыбкой наблюдал за
увлеченным коллегой.

– Предлагаю продолжить. Шон, давай попробуем ещё раз,
может, получится вспомнить ещё какие-нибудь детали. О
чем ты думал, когда заговаривал кулоны, что чувствовал в
этот момент и чего желал?

Ректор Сайтон за долгие два часа вынудил нас вспомнить все события и действия из того памятного вечера, буквально до последнего вздоха. Я себя почувствовала как на допросе у товарищей из полиции, когда тебя раз за разом просят повторять одно и то же, вылавливая несостыковки в собственных показаниях. В общем, то ещё удовольствие. И все же результат был достигнут.

– Я, кажется, вспомнил! – сообщил Димка во время очередного рассказа после того, как запнулся на воспоминании. – Я пожелал, чтобы обладатель кулона вернулся с операции целым и невредимым. И чтобы там всех, кто детей мучает, порвали как Тузик грелку.

– А ты откуда про детей знаешь?

– Ну, мам, – фыркнул ребенок, – я же не олух какой. Ты летом пострадала из-за этих козлов, когда ребят спасала. Сейчас нас в поместье заперли, значит, опять опасность с этой стороны, что непонятного? Да ещё и операция как раз во время карантина, все ж ясно! – Димка пренебрежительно дернул плечом.

– Ну-ка, ну-ка... – Сайтон настолько заинтересовался, что у голове замелькало сравнение с охотничьей собакой, которая взяла след. – С этого момента поподробнее, пожалуйста.

Из кабинета Сайтона мы с Димкой вывалились усталые, как землекопы, но ужасно довольные. Такое состояние всегда бывает после хорошо сделанной работы. Когда ты этой работы боялся-боялся, потом осерчал и сделал лучше, чем

мог рассчитывать. Сайтон тоже был доволен, как слон. После беседы с Шоном он пришел к выводу, что результат Димкиного воздействия зависит не от словесных формулировок, а от эмоций. Слова – это просто способ сделать эмоцию главной, перевести ее в магическую силу. В общем, на радостях он завершил нашу встречу и отправился обсуждать догадку с деканом целителей, который к тому моменту закончил обследование Ричарда и уже выпустил его из своих цепких объятий.

День давно перевалил за середину. Мы втроем стояли за воротами академии и наслаждались спокойствием.

– Свобода, – практически пропел Шон, озвучивая мои мысли. Да уж, ректор потрепал его на славу. Вцепился, как ротвейлер, и не отпускал, пока не узнал то, что хотел.

– Свобода, – вторил ему Ричард. – Магистру Друцису я больше не интересен. Полностью здоров. Оборотень и оборотень, без каких-либо отклонений.

– Так это ты! – сообразил Димка, в удивлении таращась на Ричарда. – Ты не сказала! – полетел упрек в мою сторону, на что я лишь развела руками.

– Это не моя тайна.

– Ага, ладно. А мы там все с ума посходили из-за медведя-призрака! – возбужденно рассказывал подросток. – Представляете? Пинок так вообще всех подбивал на ночную засадку.

Мы с Ричардом переглянулись, пытаясь не засмеяться. Да

хоть десять засад! Ещё после первого раза мы стали уходить в лес – и нам меньше любопытных глаз, и Мишке настоящее раздолье, есть где и когти поточить, и поваляться вдоволь. Да хоть на дерево залезть!

– А мне можно посмотреть? Первому? А?

Димка приплясывал на месте от возбуждения и заглядывал в глаза Ричарду. Я оценила, что ребенок решал вопрос самостоятельно, договариваясь напрямую с оборотнем. Если он согласится, и знакомство пройдет хорошо, то представить Мишку детям будет легко и просто.

– Только не сейчас.

– А когда? – ребенок был в таком возбуждении, что еще секунда – начнет круги вокруг нас наворачивать.

– Пару дней потерпишь? – принялся искать компромисс мужчина, на что подросток начал торговаться.

– Сегодня и завтра?

Вот жук.

– Как буду готов, – отрезал Ричард, не позволяя собой манипулировать. – Но обещаю, ты будешь первым, кто увидит зверя. Договорились?

– Договорились, – Димку устроило условие, и он, кивнув, протянул Ричарду ладонь для пожатия. – Куда сейчас? Домой?

– А может быть, в храм? – вопрос вырывался сам собой ещё до того, как мысль полностью сформировалась. Только лежащий в кармане нефритовый кулон напоминал, что все

проблемы нужно решать в порядке очереди.

Так почему бы не решить этот вопрос прямо сейчас?

Глава 7

К моему недоумению, Димка как-то скуксился.

– А я думал, мы погулять ходим, раз уж я сегодня прогуливаю. Я, кроме академии, и не видел ничего. Может, ну его, храм? Я есть хочу.

Мда, это я, не подумав, ляпнула, на вдохновении. Димка действительно мог все неправильно понять. Он и на Земле к религиозным аспектам был скептически настроен, ибо у правильного бога брошенных детей бы не было. Привычное недоверие к небесной канцелярии не поколебал даже факт нашего чудесного спасения. Ну и что, что спасли, не налажали бы ангелочки, так и спасать бы не пришлось. Да и в этом мире с сиротами ситуация ещё хуже обстояла. И только магия заставляла его быть снисходительнее к местному пантеону. И наличие такого крутого дяди, как Флин.

Эмоции Ричарда были подобны огню: полыхнули в зеленых глазах острой надеждой и мгновенно потухли под гнетом разочарования, которое он максимально быстро скрыл.

– Отличная идея – пообедать, – Ричард деликатно сгладил неловкость, не замеченную Димкой. – Я голоден, как медведь после спячки.

Сын зыркнул на меня с видом победителя, на что пришлось скорчить ему рожицу – подыграть. Недолго думая, пока решимость меня не покинула, я, как в старые времена,

уселась на корточки перед ребенком, заглядывая ему в глаза.

– Дим, – неловко отодвинула с глаз отросшую челку, которую ребенок упорно отказывался стричь, желая отрастить длинные волосы. – Я тебя зову в храм к Арису, чтобы провести ритуал усыновления. Что скажешь?

Детская дурашливость сменилась растерянностью, а глаза расширились от удивления, превращаясь в два бездонных озера, в которых можно утонуть.

– Правда? – переспросил Димка-Шон полусшепотом. – По-настоящему? И дядя Флин разрешит?

– Иначе быть не может. Я тебя когда-нибудь обманывала? А дяде мы потом расскажем. Я чувствую, что сегодня особенный день и уверена, что все получится.

– Прямо сейчас? – все ещё не полностью поверил, вот ведь.

– Ты же есть хотел? – я тоже была не против пообедать, мы же голодные с самого утра. А с другой стороны, у меня от волнения ком в горле, вряд ли смогу съесть хоть что-нибудь. – Можно сперва подкрепиться, а потом отправиться в храм.

– Нет, не хочу. Пошли прямо сейчас, а? А если не получится?

– А на Земле тебя это волновало бы?

– Неа, – Димка тряхнул челкой и посмотрел мне в глаза, – давай рискнем!

– Ричард, – запнулась, не зная что сказать. Предложить

подождать нас в какой-нибудь таверне или позвать свидетелем?

– Отличное решение, – голос Ричарда был спокоен и рокотал переливами нежности. – Временем мы располагаем. Ты же позволишь мне присутствовать?

Вот так. Ни тени сомнения, ни слова упрека, ни тихого вздоха. А я радовалась, что поддалась спонтанному порыву, потому что решалась бы еще незнамо сколько времени, попутно накрутив себя до дичайшей паранойи.

– Конечно, можно! – уверенно заявил Димка.

– Тогда нам пора, нехорошо заставлять бога ждать.

Ричард вел себя так, будто возглавлял войсковую операцию. Как я хочу знать, что творится в его голове! Так легко принять подобного рода информацию. Или Флин, как всегда, прав, и Ричард согласится на все, лишь бы мне было хорошо? Боги, как же пугает такое доверие!

Величественное сооружение из белого камня казалось сиреневым в наступающих сумерках. Выглядело торжественно и чуточку печально.

В храме нас встретил совсем юный жрец, не старше двадцати лет на вид, и, выслушав цель визита, переспросил:

– Благородная госпожа, я правильно понял, что вы желаете усыновить этого мальчика? – молоденький служитель, которому довелось нами заниматься, явно недоумевал. Ну да, аристократка и отказник – ситуация не из рядовых.

– Все верно, даур, – обращение к местным священникам,

означавшее на древнем языке «уста бога», обязывало говорить правду. Кто ж богу врать решится?

Служитель коротко кивнул, ещё раз внимательно посмотрел на Димку-Шона, после чего взмахом руки попросил следовать за ним.

Показал Ричарду, где положено оставаться свидетелям и сопровождающим, и забыл о его существовании, а нас с Димкой повел дальше. К моему удивлению, пошли мы не в сторону статуи Ариса, а к довольно высокой подставке – колонне, на которой лежал испещренный рунами крупный кристалл горного хрусталя, выточенный в форме конуса.

– Возложите руку на «око правды», чтобы подтвердить свои намерения, – попросил служитель, показывая на собственном примере, как правильно ухватиться за камень. – Я поклоняюсь темному богу, – сообщил вдруг мужчина, и кристалл тут же засветился темным цветом, – ложь. Я служу в храме бога Ариса, – и камень стал переливаться голубыми оттенками, – правда. – После нашего синхронного с Димкой кивка в знак того, что нам все понятно, служитель сделал шаг назад и попросил меня подойти ближе к колонне. – Сперва вы, леди.

Кристалл ожидаемо был прохладным и шероховатым из-за множества символов, но никаких волшебных спецэффектов я не дождалась.

Ещё с того момента, как кристалл начал светиться под ладонью мужчины, стало ясно, что это местный аналог детек-

тора лжи. Но зачем? При прошлом нашем визите подобного не было, а сейчас... неужели разница статусов не даёт покоя?

Оказалось, нет, дело не в этом. После того как я подтвердила свою личность, мне пришлось ответить на два десятка заковыристых вопросов, смысл которых сводился к одному: не имею ли я скрытых желаний и намерений? Насколько искренни мои намерения и чувства, по собственной ли воле я хочу породниться с отказником, не из корыстных ли целей?

– «Око правды» подтвердило правдивость ваших слов, – сообщил слугитель и переключил своё внимание на Димку. – Твоя очередь, отрок.

Диме было высоковато, поэтому он привстал на цыпочки.

– Отрок, желаешь ли ты видеть эту женщину своей матерью?

– Это самое сильное мое желание, – детский голос чуть дрогнул, но фраза прозвучала четко, и я облегченно выдохнула. Почему-то именно этот вопрос заставил нервничать. А вдруг он передумал?

– Искренне ли твое желание и чувство?

– Разумеется, даур, – чинно произнес ребенок, явно подражая мне.

– Добровольно ли твое желание? Преследуешь ли ты корыстные цели?..

На все вопросы камень отзывался лишь голубым сиянием, разгоняя мои персональные грозовые тучи в душе. Такое ощущение, что даже дышать стало легче. Хотя я и понима-

ла цель данного опроса, но все равно приходилось подавлять нетерпение. Ведь это могло быть не просто стандартной процедурой, но и испытанием, имеющим более глубокий смысл, о сути которого я могла только догадываться. В конце концов нам предстояло предстать пред ликом самого Ариса.

Следующим шагом на пути к тому, чтобы породниться с Димкой, было общение с богом. Нас провели в уже знакомый мне церемониальный зал.

Только, в отличие от прошлого визита, в этот раз было чувство, что я пришла в гости к хорошему знакомому. Ощущение доброжелательного внимания не покидало с того самого момента, как я преклонила колени перед статуей Ариса, а окружающий мир словно исчез.

Молитвы как таковой не получилось, была благодарность. За то, что приютил нас с Димкой в своем мире, за чудесного брата, за жизнь и здоровье Ричарда, за потрясающее везение, которое, несмотря на трудности, сопровождало меня всегда и везде. Было ощущение, что мои воспоминания быстро просматривают, словно листают книгу, останавливаясь на тех страницах, которые вызвали особый интерес.

И, конечно же, я просила за Димку. Чтобы шел рука об руку с удачей, чтобы дар первوماга не стал проклятием, испортившим жизнь, чтобы был здоров и счастлив. И позволил быть рядом. Может, не в полном смысле матерью, но родным и близким человеком, другом и союзником, который всегда будет на его стороне. Тем самым человеком, которому он

сможет рассказать все что угодно и поделиться всеми тайнами, горестями и радостями, к которому придет за советом.

Звуки окружающего мира нахлынули в тот момент, когда «разговор с богом» закончился, а мысли иссякли. Возникло чувство, словно меня отпустили, дали разрешение уйти. Справа зашевелился Димка, и это заставило распахнуть глаза, осмотреться и наткнуться на два удивленных взора – слугителя и подростка.

– Что-то не так? – мужчина лишь отрицательно качнул головой, но взгляд его все равно не изменился.

Однако! Озарение пришло, когда я попыталась подняться с колен. Ноги затекли так, что встала я не без труда. Это ж сколько времени я на коленях простояла? За окнами стало совсем темно.

– Что ж, если вы готовы, можем приступать, – сообщил жрец, раскладывая перед собой чехол-сверток из кожи. Внутри был ритуальный кинжал. Ручка его представляла собой тонкой чеканки мужскую фигуру, а лезвие – довольно длинный четырехгранный клинок наподобие рапиры. И все это великолепие в обрамлении самоцветов.

Недаром Дима столько раз выпрашивал у меня, да и у Флина тоже, подробности ритуала братания. Руку для надреза он протянул не задумываясь, с любопытством наблюдая за процессом. Мы стояли перед алтарем в полуметре друг от друга, протянув над ним кровоточащие ладони. Даур бормотал что-то ритмично-заунывное по другую сторону алтаря.

Сорвавшаяся с ладони на белый мрамор багровая капля образовала шарик, который устремился навстречу такой же капле крови ребенка. Но вместо того, чтобы удариться, как волна об утес, и разбиться на тысячу брызг при встрече, разлететься алым фейерверком и впитаться в алтарь, кровь растеклась неопрятной яркой кляксой по белой поверхности.

Я наблюдала, как восторг и предвкушение в глазах ребенка сменялись обидой и недоверием. Он что, подумал, что я недостаточно сильно хочу быть его мамой? Ну нет, так дело не пойдет! Я не могу его подвести, только не в этом.

Глава 8

Как мы можем не быть матерью и сыном, когда он ещё много лет назад проник в мое сердце и укоренился там навсегда? Нелепо думать, что Дима чувствует иначе. Значит, есть вероятность, что это недорабатывает молоденький жрец. Я слышала в его голосе дрожь, возможно, он сбился и произнес что-то неверно, из-за чего ритуал не состоялся?

– Ещё раз! – не знаю, сколько силы я вложила в этот возглас, но огни в светильниках, размещенных на всевозможных поверхностях, затрепетали.

Странно, мне казалось, что магия во время ритуала не действует, ну, кроме храмовой, то есть божественной. Но если это не моя магия, то, получается, что нам Арис знак подает? Ошарашенный взгляд служителя подсказал, что мои мысли не беспочвенны, возможно, именно поэтому он безропотно начал ритуал повторно.

Молиться второй раз не пришлось. Обмануть бога нереально, так что изменить его мнение не удастся, даже если сотрешь себе все колени. Я перехватила детскую ладошку, и на этот раз мы с Димкой стояли перед алтарем, взявшись за руки. Ладонь сына была влажной и холодной, так что я поспешила крепко её сжать, пытаюсь унять дрожь и согреть.

Жрец нанес повторные надрезы на ладони, так как предыдущие уже зажили, и вновь запел заунывные сакральные

формулы, явно стараясь.

Капли крови упали синхронно и недалеко друг от друга, да так и застыли алыми зрачками, которые смотрели на нас укоризненно.

Я растерялась. Опять не было ожидаемого результата. Да что же это такое?! Ведь я отчетливо слышала доброжелательный отклик Ариса, когда молилась. Что не так?

В храме стало значительно светлее, как будто в светильниках прибавилось огня. Скрыть удивления молодой служитель не смог и, недолго думая, попросил не уходить и отправился восвояси, извинившись. Мы с Димкой успели лишь обменяться тревожными взглядами, как он вернулся и не один, а в компании старшего коллеги, того самого жреца, который когда-то проводил ритуал братания между мной и Флином. Мужчина кивнул мне благосклонно – узнал.

Посмотрел на алтарь, что-то тихонько спросил у младшего коллеги и, мельком взглянув на нас с Димкой, сделал выговор. Уловить суть их общения мне не удалось, но старший служитель был явно недоволен. Разобравшись между собой, они завели уже знакомый речитатив дуэтом. С кровью по-прежнему ничего не происходило. Песнопение становилось все громче и громче, огни светильников заколыхались в одном ритме с размеренной речью.

Но то, что произошло дальше, походило на фантасмагорию: молоденький жрец вдруг замолк, глаза его закатились, а тело приобрело невесомость. Он буквально вознесся над

всеми нами и завис в воздухе.

Лицо с грозным выражением лица и белесыми глазами не сулило ничего хорошего.

– Да что вы ко мне пристали?! – раздраженным голосом, так отличающимся от того тихого благолепия, с которым он обращался ко мне ранее, поинтересовался висящий в воздухе молодой мужчина. – Посмотрите на их ауры, бестолочи! Эта женщина уже дважды стала матерью этого ребенка. Вам ещё третий ритуал взбрело в голову провести?

Старый даур в эту же секунду рухнул на колени. Мы с Димкой, шокировано таращась на левитирующего служителя, отошли назад.

Как-то сразу пришло понимание, что устами молодого даура с нами говорит сам Арис.

– Как это два? – Ох уж эта мне детская непосредственность. И с чего я взяла, что мой мальчик повзрослел? Ведь догадался, что происходит, иначе не прижимался бы так ко мне.

– Ну хоть ты не задавай глупых вопросов, а? – В голосе бога появились насмешливые нотки. – Там был первый раз, а здесь второй, прямо у меня под носом. Ты же сам хотел. Вот и получил. Что непонятно?

Если бы я не была в теме, то точно бы запуталась от такой формулировки. Объяснил, называется. Вон, у пожилого служителя глаза размером в пятирублевую монету, а понимания в них ни на копейку.

Ну, предположим, про *там* более или менее ясно. Имеется в виду наша прежняя жизнь. Только вот усыновить я его так и не успела, однако, возможно, связь образовалась при переходе в новый мир? А второй ритуал? Уж не о том ли Арис говорит, что Дима своей силой первомага уже связал нас родственными узами повторно? По этим причинам сегодняшний ритуал проваливался попытка за попыткой?

– Ну слава мне, пресветлому, сообразила, – гроыхнул до-вольством голос бога. – Повезло тебе, парень, с матерью. Если бы не она, то и твой дар бы развеялся пустышкой. Смешные людишки. Молятся, поклоны бьют, больше силы просят. А куда больше силы-то? Со мной сравняться хотят?

В сумбурном ворчании бога мне мерещился какой-то глубинный смысл, нечто такое, что следовало угадать, вычлени-ть из почти бессмысленной речи.

– Так что, получается, и до меня такие были? Ну, парво-маги?

– Ха! – нас ударило звуковой волной. Звук был настолько сочным и мощным, что заставил инстинктивно присесть. – Первомаги! Придумали тоже! Да в каждом поколении хотя бы один да был! – Арис вздохнул, прям как дедушка Ульх, вспоминающий молодость. В сочетании с внешностью юно-ши это выглядело особенно комично. – Словесник ты, а не первомаг. Не в мощи и не в стихии твоя сила.

– А в чем? – проявил любопытство Шон.

– А что, сам ещё не понял?! – Арис опять подпустил в

голос ехидства.

– Не понял пока, – Димка уже оправился от удивления и был не прочь поболтать с богом, не испытывая никакого пиетета.

– Это потому что неопытный. Да, парень, непросто тебе придется. Но пока ты все правильно делаешь.

– А другие, ну, такие же, как я, еще есть?

– В этом поколении нет, – высший словно извинялся, – но потом будут.

Димка вздохнул. Он уже в полной мере «насладился» своей исключительностью и интуитивно понимал, как непрост путь первопроходца. Сын сильнее сжал мою руку, решившись на что-то.

– Но вы же за мной присмотрите? Чтоб я бед не натворил по глупости?

– Присмотрю. Ты, если сомневаешься, приходи. Может, и не отвечу, но подсказку дам. Ну, спрашивайте, чего еще узнать хотели, а то этот задохлик сейчас копыта отбросит от моей божественности.

– Это вы у меня в голове словечек нарыли? – весело поинтересовался Шон.

Мда, очень важный вопрос, ничего не скажешь. Лучше бы про свой дар узнал чего. Меня вот, к примеру, очень интересует, а не станет ли мой ребенок такими темпами богом, раз сумел на одном голимом *хочу* ритуал провести.

Под своды храма взметнулся хохоток Ариса, светильники

радостно вспыхнули, разметав отблески по белым стенам.

– Не станет, не бойся. Во-первых, силенок не хватит, во-вторых, зачем ему эта головная боль? Да и я присмотрю, мне соперники не нужны, темного братца хватает.

Служка плавно опустился на ноги, открыл глаза и начал заваливаться навзничь. Старший товарищ успел его подхватить, не дав упасть и расшибить себе голову. Лихо он с коленок-то подхватился.

– Избранный гласом! – в экстазе бормотал старый даур, хлопоча над юношей. – У нас есть теперь избранный божественным гласом!

Димке это все было до лампочки, Димка ни много ни мало желал конкретики и прямо сейчас.

– Так мы семья или не семья?

Я его понимала. Слишком тяжело мне дался последний час. Впору поседеть.

Бог, болтающий на земном сленге, не то событие, от которого можно легко и быстро оправиться. Я мимолетно взглянула на беломраморный алтарь. Крови на нем не было. Несмотря на свои слова, Арис принял жертву.

– Сейчас-сейчас, – засуетился пожилой даур, отрываясь от пришедшего в себя коллеги. – Пожалуйста сюда.

В небольшом боковом приделе на подставке-пюпитре лежала громоздкая раскрытая книга. На одной странице была запись, выполненная золотом, страница рядом оставалась пустой.

Ритуал установления родительских и сыновних уз между отроком Шоном и названной матерью Эмилией свершился и засвидетельствован самим богом Арисом.

Потребовалось некоторое время, чтобы незнакомый слугитель вручил нам тубус для свитков, аналогичный тому, в котором я получала королевское послание. На тубусе болталась большая восковая печать.

– Наши двери всегда открыты для вас, – сообщил мужчина без лишних расшаркиваний и скрылся за одной из неприметных дверей. Учитывая, что за последние несколько минут в той стороне исчезли все служители, которые только попадались на глаза, вероятно, у них там собрание, а может, и празднество.

– Держи, открывай, – протянула заинтересованному Димке футляр.

В тубусе, тиснение на коже которого изобиловало храмовой символикой, лежал свиток, явно небумажный. Пергамент? Скорее всего. А на пергамент нанесена точная копия записи в обрядовой книге, только не золотая, а алая. А вот оттиск храмовой печати был выполнен золотым цветом. В самом низу приписка: *копия сделана в день свершения обряда и заверена храмовой печатью пред ликом пресветлого Ари-са.* И дата.

Дима внимательно вглядывался в заветный текст. Читал он пока медленно, да я и не торопила. Мальчик шевелил губами, словно хотел втянуть в себя эти строки. Ему понадо-

билось несколько минут, чтобы уверовать в реальность произошедшего.

– Вот и первый документ в нашем семейном архиве, – подвела я итог сегодняшних приключений. – Ну что, теперь мы можем поесть?

Димка терпел голод молча, но я слышала, как урчит у него в животе. Этот более чем нестандартный ритуал вытянул из нас все силы, как физические, так и моральные. Нам бы сейчас ликовать от радости, а мы бредём к выходу на заплетающихся ногах. Ребенок хоть и хорохорился, но все равно было заметно, что он устал.

Обеспокоенный нашим долгим отсутствием Ричард – ничто в сравнении с разгневанным братом. Стоило нам выйти за пределы храма, как на меня обрушилась гневная тирада по «эхо-связи», потому что я несколько часов была «вне зоны действия сети». Чтобы успокоить Флина, мне пришлось дать краткий мысленный отчет. В ответ получила не только поздравление, но и еще одну порцию недовольства: такой важный ритуал – и без него? Объявив, что шлепали в детстве меня мало, поэтому он намерен наверстать упущенное, Флин успокоился и вернулся к своей работе.

Пока мы направлялись к ближайшему приличному заведению, в котором можно было отметить столь важные перемены в жизни, Ричард устроил так, что я шла с одной стороны, а довольный Димка – с другой. И вели они весьма занимательную беседу: Димка делился впечатлениями, которых

было в избытке. Так что подросток прыгал с одного воспоминания на другое, все больше и больше запутывая внимательно его слушающего мужчину. Я улавливала лишь общий смысл, половина фраз тонула в шуме от проезжающих мимо тяжелых зимних экипажей.

В ресторанчике нам достался отдельный кабинет на втором этаже. Из окна, которое при желании можно было закрыть, отлично просматривалась сцена, где пела прелестная девушка. Ее нежный голос разносился по всему заведению, делая атмосферу особенно уютной. То что нужно.

Пока ждали заказ, Димка уже более детально пересказал Ричарду суть событий, в то время как я просто наслаждалась ситуацией. Двое дорогих мне мужчин были рядом и разговаривали так, как будто очень заинтересованы друг в друге. Как будто обнаружили в давно знакомом человеке нечто новое, важное и очень интересное.

Я была по-настоящему счастлива. Наконец поставлена точка в вопросе усыновления и в Димкиных сомнениях. И это оправдывает все. А оправдываться мне было в чем. Сегодняшний «геройский» поступок так или иначе, но ударил по Ричарду. Это все для меня было очевидно и оправдано, а для Ричарда? Задела ли я его самолюбие, затронула ли внутренние сомнения или оттолкнула своим эгоистичным своеволием? Сейчас, когда эйфория схлынула, я могла честно себе признаться в том, что подспудно желала спровоцировать медведя: мне жизненно необходимо знать, что мой ребенок

не помеха для его чувств. Повторения истории с Лешей, который яростно противился усыновлению, я не допущу. Усыновление свершилось. Теперь я мать почти взрослого парня, и этого уже не изменить. И мужчина должен это понять, прежде чем наши отношения зайдут ещё дальше.

Я вынырнула из своих мыслей в момент, когда Димка закатил глаза, пытаясь изобразить личину грозного бога. На фразе «копыта отбросит» глаза Ричарда округлились. Действительно, зачем левитирующему жрецу бросаться какими-то копытами? Вот переводом русских сленговых идиом на язык мира Араш мы и развлекались до тех пор, пока на столе не появился наш заказ. Нахохотались до колик в пустых животах. Особенно впечатлил Ричарда хрен, который знает все. Это Димка по наивности мне удружил, уверовав, что сегодня действительно можно все, и несколько увлекшись вольностями. А мне теперь что делать? Как объяснить Ричарду, если он поинтересуется, все смысловые нагрузки и акценты этого очень распространенного в России выражения? Вот ведь задачка!

Пока я разбиралась со своей порцией рыбы, мужчины умяли приличного такого гуся с яблоками и договаривались насчет десерта.

– Мам, – голос Димки звучал уж больно заискивающе, – ты только не обижайся, ладно? Но не нужно ничего рассказывать дома.

Ребёнок затих, подкинув мне пищу для размышлений,

ведь вопрос «а что потом» я так и не удосужилась себе задать, слишком насыщенным на события и эмоции был сегодняшний день. С утра нас буквально выпотрошил Сайтон, потом скоропалительно принятое решение о визите в храм, который тоже съел немало сил, выматывающий ритуал и неожиданная проблема, подкинутая сыном, которую по хорошему надо бы обдумать на свежую голову.

– Почему?

Откровенно говоря, я и сама пока не представляла, как рассказать об изменении в семейном статусе окружающим. Знала лишь, что делать это нужно очень деликатно. Но версию Димы тоже хотела услышать. Стесняется? Или что-то другое?

– Нет, что ты, я не стесняюсь! – Кажется, последнюю фразу я произнесла вслух. – Просто я не хочу, чтоб завидовали. Мне и тогда, на Земле, завидовали, даже бить пытались, когда ты меня выбрала. И здесь будут. Ты видела, как Алик смотрит на Мартина, когда он за Габи приходит? А я видел. И это несмотря на то, что Габи все любят. У меня друзья здесь, у нас планы. А если они не захотят со мной дружить, потому что я сын управляющей? Отвернутся, потому что я больше не такой, как они? Пусть будет как раньше, а?

Учитывая то, что проживаем мы в приюте, пожалуй, Димка прав. Там и так забот достаточно, не хватало ещё самой давать повод для нарушения гармонии, которую удаётся удерживать титаническими усилиями всего персонала. А

потом уж...

На этой мысли мозг закоротило.

А действительно, как я себе представляю нашу дальнейшую жизнь?

Ещё каких-то пару месяцев назад у меня был ответ на этот вопрос. Уютный небольшой домик, где мы будем жить вместе с Димкой, словно самая настоящая семья. А сейчас... у меня нет ответа, потому что в уравнении нашей с Димкой жизни появилась новая неизвестная – Ричард и его зверь. И планы нужно перестраивать с учетом новых данных.

– Лиза, – сквозь вату мыслей пробился ко мне голос Ричарда. – Лиза, вернись, ты нас пугаешь.

– А? Простите, я задумалась, – мне стало неловко, когда поймала настороженный взгляд ребенка.

– Мам, ты все-таки обиделась?

Я обхватила костлявые плечики сидящего рядом Димки и прижала его к себе, чмокнув в макушку.

– Ну что ты, родной мой, ну что ты. Мне не за что обижаться. Раз это так тебе важно, пусть будет секрет, я не против. Но не забывай, что тем самым ты можешь обидеть своих друзей. Тайны только все усложняют, уж поверь мне, взрослой тетке.

– Я понял, – на удивление серьезно отреагировал подросток. – Ты ведь тоже не скажешь никому, да?

– Обещаю, – ответил Ричард следящему за его реакцией Димке. – А остальным скажем, что после академии задержа-

лись на прогулке.

– Да-а? И что я скажу, если у меня спросят, что видел? Я ведь опять ничего не видел.

Ричард лишь ухмыльнулся.

– Правду, конечно! – И после долгой паузы заговорчески прошептал: – Скажешь, что храм был красивый.

Димка расслабился и даже улыбнулся.

– Когда уже пирожное принесут? – заныл мальчик спустя пару минут, ерзая на своем месте. – Ну, вы поговорите тут, а я пока узнаю, когда десерт будет готов.

И, не дав мне опомниться, слинял из-за стола, скрываясь за дверью.

– Тяжело ему будет скрывать правду, – улыбаясь, сообщил Ричард, глядя через окно, как Димка направляется в сторону сцены. Там сейчас выступал молодой музыкант, играя на инструменте, очень похожем на флейту. – Врать не умеет совершенно.

Это точно. Но эта неловкая и столь очевидная попытка оставить меня наедине с Ричардом просто умиляла.

– Надо заметить, для медведя ты не очень-то и любопытен.

– А ты не очень болтлива для женщины, – передразнил Ричард. – А я просто умею выжидать, как любой другой хищник.

– Что есть, того не отнять, – принялась я тянуть резину в попытке подобрать правильные слова, чтобы признаться в

чувствах и сделать, наконец, ответный дар.

Все, на что меня хватило, – это протянуть руки и вложить в большую сильную ладонь нефритовый кулон. Я так и просидела некоторое время, сжимая мужской кулак, боясь отстраниться и позволить избраннику увидеть кулон, который скажет так много о том, что я вымолвить не в силах.

Я смотрела в глаза Ричарду и думала, правильно ли поступаю?

Не ошибаюсь ли? Не опоздала ли?

– Я чувствую твой страх, – мужчина весь напрягся, и атмосфера в небольшом кабинете мгновенно изменилась. – Что происходит, Лиза? Что тебя пугает?

Глубоко вздохнув, я преодолела внутреннее сопротивление и выпустила мужскую руку из плена своих пальцев.

Взгляд зеленых глаз зацепился за маленький кулон на длинной цепочке. Напряжение сменилось недоумением и даже непониманием. Поэтому пришлось дать пояснение:

– Это подарок, я специально для тебя сделала. – И замерла, ожидая реакции. Прошла секунда, другая, третья... а мужчина молчал. Даже сквозь полумрак мне стало заметно, какое мучительно напряженное у него лицо, почти искаженное. – Это ответный дар, Ричард, – прозвучало как контрольный выстрел.

От сердца отлегло, когда мужские руки начали трансформироваться в медвежьи лапы. Это не от обиды Ричард так напрягся, это Мишка пытался вырваться на волю так не во-

время.

– Мишка, цыц! – шикнула я тихонько. – Сейчас не время, ночью погуляем с тобой, обещаю.

Еще несколько вздохов – и Ричард полностью расслабился. Руки вновь стали самыми обычными, а зеленые глаза за-
сверкали, как трава в росе, заставляя мое сердце забиться в
бешеном ритме.

Не успела я опомниться, как Ричард, наклонившись над
столом, поцеловал меня по-настоящему.

Мы, наверное, никогда бы не оторвались друг от друга, ес-
ли бы не распахнувшаяся дверь и Димкин брезгливый вопль:
«Фу-у-у-у, гадость».

Створка захлопнулась, вновь оставляя нас наедине, а мы
с Ричардом, падая на свои места, в голос расхохотались.

– Мы поговорим потом, хорошо? – попросил Ричард. –
Просто знай, что ожидание того стоило, и в данную минуту
я самый счастливый в мире мужчина.

Мои ладони попали в сладостный плен крепких рук, чей
обладатель покрыл их многочисленными поцелуями, в то
время как я пыталась привести в порядок учащенное дыха-
ние и стереть с лица глупую улыбку влюбленной дурочки.

– Димка, возвращайся! – крикнула в надежде, что ребенок
не убежал далеко.

Так и есть, подросток почти сразу просочился в кабинет,
а за ним и официант с подносом, на котором громоздились
сладости.

Слава богам, сын не стал акцентировать внимание на нашем с Ричардом поцелуе, потому что мне и без этого хотелось провалиться под землю от смущения. Лишь лукаво ухмыльнулся, увидев наши сомкнутые руки.

– Ну, как тебе подарок? – в лоб спросил Димка, ехидно кивая на нефрит, словно ожидая, что мужчина будет с ним солидарен и скажет «фу». – Я ей говорил, что сердечки мужчинам не дарят, но разве ж она слушает старшего мужчину в семье? – не давая Ричарду времени на раздумья, продолжал Димка. – Женщины, что с них взять, – вздох получился таким горестным и печальным, что это вызвало новую порцию смеха.

– Он прекрасен, – Ричард мечтательно улыбнулся. – А в подарке главное не вид, а смысл, понял?

Димка чуть было пальцем у виска не покрутил.

– И у меня чувство, что я что-то пропустил, – взрослый мужчина выглядел чуть растерянно.

– Это потому что я знаю больше твоего, – авторитетно заявил Димка, став более раскованным после ритуала. – И про кулон узнал раньше, чем ты. Но раз ты теперь выйдешь замуж за Лизу, то и с тобой можно делиться секретами. Во-первых, я тебе все равно другой кулон сделаю. Семейный, как у нас. А этот пока хоть под рубашку спрячь, ну стемный же, правда.

Я с трудом удержалась, чтобы не захихикать от детской непосредственности и оговорки. Ричард ловко накинул на

шею цепочку, пряча сам кулон под одеждой.

– А во-вторых? – поинтересовался Ричард.

– Я крутой маг, – абсолютно спокойно заявил Димка. – Настолько крутой, что тебе вот помог обратном стать. Не знаю только как, но я обязательно разберусь. И Власа с Тро-ем спас. Пообещай, что никому не расскажешь.

Последняя фраза, в отличие от остальной речи, прозвучала так серьезно, что Ричард, не задумываясь, принес клятву, не абы какую, а магическую. Кажется, этот жест окончательно примирил подростка с тем, что Ричард вторгся в нашу небольшую семью.

– Я буду рад назвать тебя сыном, если позволишь, – осторожно закинул удочку Ричард.

Так просто и всеобъемлюще. Одной короткой фразой этот потрясающий человек разделил мою жизнь на «до» и «после».

Димка, задумавшись, молчал.

– А мне называть тебя отцом? И ты не против?

– Как это могло прийти тебе в голову, парень? Любой бы гордился таким ребенком!

– Ну ты скажешь! – фыркнул Димка в ответ, привалившись к мужскому плечу. – Первый Лизин муж не хотел!

Повисла вязкая пауза. Когда-то я кратко, как сводку с фронта, рассказала Ричарду историю появления в этом мире. Своего появления. А про ребенка, которого утянула за собой, умолчала. Почему-то хотелось скрыть факт его ино-

мирности от посторонних, словно это могло навредить Диме. За себя было не так страшно, как за мальчика. Он и без того привлекал слишком много внимания к своей персоне.

Попытка объясниться провалилась, так как Димка, осознавший, что ляпнул что-то не то, затараторил в попытке исправить ситуацию.

– Ну тот, который нас убил...

Ричард захлебнулся вдохом и потрясенно уставился на меня, без слов говоря, что на этот раз мне от вопросов не убежать. Хотя последняя фраза его сильно шокировала, но он нашел силы взять себя в руки, чтобы, притискивая худенькое тельце к себе, мягко произнести:

– Он, конечно, гад, каких поискать, но мне он оказал огромную услугу. Да и тебе тоже. Ты только подумай: тут ты крутой маг, знакомый с дриадами и самим Богом. Разве не здорово?

Лица моих мужчин были приблизительно на одном уровне. Они смотрели друг другу в глаза, и у меня было ощущение, что за этот короткий пристальный взгляд они обменялись терабайтом недоступной моему пониманию информации.

Десерта уже не хотелось.

Пора было возвращаться домой. Как раз успеем к отбою. А до него мне предстоит подумать, как все объяснить Ричарду.

Глава 9

Дом готовился к ночному отдыху. Гевин и Ульх все еще сидели перед камином, а вот Василиа уже отправилась поживать, просыпается-то ни свет ни заря. Несколько ребят еще бродили по дому, официального отбоя не было. Эта почти пасторальная картина, представшая перед нами, рассыпалась в один миг. Ребята кинулись к Димке-Шону с возгласами:

– Наконец-то...

– Что случилось...

– Да не вопи ты, разбудишь всех!

Деды встали и всем своим видом дали понять, что ждали именно нас. И беспокоились. Вели они себя сдержанно, но глаз с нас не спускали. Под этими требовательными взглядами у меня появилось желание начать оправдываться, словно я дочь, которая вернулась позже обычного. Казалось бы, какое дело им до отсутствия управляющей, ан нет, волновались и не уходили в свою сторожку, чтоб лично убедиться, что все в порядке. Пришлось выразить свою благодарность не только на словах, но и тактильно. Ульха я часто обнимала, а Гевин «страдал» от моей симпатии лишь изредка, суровый он. И каждый раз он буквально терялся и не знал, как себя вести. Этот раз не стал исключением, так что Ричард и Ульх не сдержали смешков.

– Ну, прибыли, и ладно. В доме все как всегда. Вопросов задавать не буду и так вижу, что все хорошо, – Гевин по военной привычке говорил отрывисто. – Вы дома, значит, и нам можно на отдых.

Пост сдал, пост принял. О как!

Улыбка не заставила себя долго ждать. От такого внимания на душе становилось тепло.

– Доброй ночи, – догадался попрощаться вежливый Ричард.

Не сговариваясь, мы с Ричардом двинулись в кабинет. Я задолжала объяснения, но Ричард был великодушен: одарил меня жадным поцелуем и велел отдыхать, ведь Мишка ждет обещанной прогулки.

Во мне боролись разочарование и облегчение. На серьезный разговор сил не было от слова «совсем», а вот понежиться в ласковых объятиях хотелось очень. Нервный день был не только у меня, медведю тоже досталось. Успеем наговориться. Спать.

Ричард нежно и настойчиво теребил меня за плечо с фразой «Мишка требует внимания», казалось, спустя минуту после того, как я заснула, а по факту через пару часов. Мишка – это аргумент, с которым спорить бесполезно. По дороге мы больше молчали. Я боялась, что расспросы про мою прошлую жизнь начнутся прямо сразу, но Ричард лишь лукаво улыбнулся. Черт, ну до чего же он хорош! Эти смешливые морщинки вокруг глаз завораживали, а внутри все трепета-

ло.

Стылый ночной лес был темен и тих, поэтому вокруг нас плыло несколько огоньков, освещающих нам путь. Поскрипывал тоненький слой снега под ногами. Когда добрались до нашей полянки, мужчина вздохнул и начал раздеваться, чтобы не утратить одежду при обороте. Бр, даже смотреть на это было холодно. А Мишке ничего, доволен. Мечется вокруг, не может решить: то ли с нежностями ко мне поприставать, то ли побегать по снегу. Лесные запахи победили, и Мишка, подкидывая зад от избытка счастья, покосолопил в лес. Его отлучки я не боялась. Если позову, пусть даже шепотом, тут же вернется. Да и не уйдет далеко, Ричард его контролирует. По словам мужчины, у них со зверем налавился информационный обмен в обеих ипостасях. Мишка активно учился общаться и делал это все осмысленней и уверенней.

– А как?

– Потерпи, вот связь установится, сама узнаешь, – дал ответ на мое любопытство Ричард.

А пока я ждала, когда же Мишка насытится двигательной активностью и потребует общения, размышляла об этой таинственной связи, которая прорывалась всего лишь раз – мне стало плохо, когда пострадал Ричард. А дальше лишь изредка удавалось уловить отголоски настроения мужчины или медведя. На этом, собственно, все.

Мишка чуть ли не выкатился из-за пушистой ели, когда я уже замерзла, хоть ещё и не критично. Вторая часть прогу-

лочной программы мне понравилась не меньше, чем зверю. Он уселся почти по-человечески, опираясь на задние лапы, и аккуратно подгрел меня к теплему брюху. Идиллия. Мы еще немножко пообнимались, я почесывала везде, где могла достать. Лизаться он уже не пытался, понимал, что мне это не нравится, но с удовольствием сопел мне в шею. Я млела и еле сдерживалась, чтобы не чмокнуть черный кожаный нос. Чмокнуть хотелось, но мысль о том, **что** этим носом обнюхивали и куда совали, останавливала.

Потом мне скомандовали:

– У-у-ур, – что означало, что мне пора петь.

– Утят? – Спросила я, наблюдая за реакцией. – Улыбку?

Чуду-юду? Что-нибудь новенькое?

– Ур...

– ...тем, кто дружен не страшны тревоги, нам любые дороги доро-о-оги...

– Р-о-о...

– ...доро-о-оги, ля ля ля ля ля...

– Ряря... – я расхохоталась, так вовремя вступил Мишка

– вполне себе сойдет за знаменитое оловское **е-е**.

Детский сад, штаны на лямках, ей-богу.

Потом меня упорно пытались усадить на спину, чтобы покатать, отчего я с трудом, но отбрехала. Я на лошадях-то не сидела, а тут такая махина. Нет уж, спасибо, но я лучше на своих двух буду передвигаться. К слову, ноги у меня окончательно окоченели, и я попросилась домой, на что Мишка

выразил свое неудовольствие обиженным «р-р-ёо-о» и поко-
вылял мне за спину, не смотри, мол.

От тела обернувшегося Ричарда шел пар, он стремитель-
но натягивал согретую моим заклинанием одежду. Мне по-
казалось, или он обернулся сегодня легче обычного?

– Сильно замерзла? – И, не дожидаясь ответа, спросил: –
Пиф-паф – это что?

– Терпимо. Слушай, все хочу спросить и забываю. Ты по-
нимаешь, о чем я пою?

– Нет, не понимаю. Но некоторые слова звучат уж очень
забавно.

Ох, как мне не хотелось объяснять про огнестрельное ору-
жие. Если о порохе в этом мире не знали, то и не надо было
тащить сюда эту смертоносную гадость.

Пока шли к дому, я пыталась сделать подстрочный пере-
вод. Выходило смешно и совсем не в рифму. Что-то вроде:
если ты со мной дружишь, то тебе не о чем беспокоиться, ра-
дуйся, будет дальний путь вместе со мной. Потом мы с упое-
нием целовались, на всякий случай укрывшись за зарослями
высоких кустов.

В кухне уже горел свет. Припозднились мы сегодня, зато
нам сейчас дадут горячего и расскажут вчерашние новости.

Карантин закончился. И слава богу, за это время я успе-
ла немного разобраться с личными проблемами, потому что
в почтовой шкатулке, в которую я не заглядывала больше

трех дней, меня поджидало послание от Аспида. В послании довольно язвительно, в полном соответствии с повседневной манерой наставника, говорилось, что не худо бы мне как управляющей все-таки интересоваться учебным процессом, который по непонятным причинам проходит без наших воспитанников. И если мы все еще заинтересованы в том, чтобы присоединиться к старшей группе на практике, нам следует к утру седьмого дня второй декады, то есть к послезавтра, быть готовыми и экипированными, помимо змееловского снаряжения, легкими куртками с длинными рукавами, головными уборами от солнца и пайком на два дня. Водой обеспечивает гильдия. На два дня – это перестраховка на непредвиденный случай. Практика предполагается однодневной. Время возвращения – по обстоятельствам, но не позднее вечера.

Мастер Гевин, к которому я бросилась за консультацией и помощью, раскритиковал мою идею с банданами от солнца.

– Это южные скалы, Эмилия. Банданы пригодятся, чтобы закрыть лицо от песка и пыли, а на голову нужны шляпы, желательно широкополые.

И где я возьму эти шляпы? У меня один неполный день на подготовку. Так. Есть какое-то простое решение, в голове мелькали образы пустыни, в которую нас, наивных европейцев, возили на экскурсию во время поездки в Египет. Вот! Арафатка! Как правильно повязать этот мужской платок, я, конечно, не вспомню. Но там же есть простой вариант – просто накинуть на голову, прикрыв плечи, и закрепить верев-

вочным кольцом. А вместо этого кольца Аришки успеют соорудить шесть солнцезащитных козырьков, типа бейсболок.

Я переживала, что подростки могут не принять такого креатива, поэтому изначально планировала поговорить с Миром как с лидером змееловов. Но не пришлось. Положение спас Ричард, который очень заинтересовался подобным головным убором. Отрез мягкой ткани легко включить в любую экипировку. Это даст возможность прикрыть голову и нос от пыли и лишних взглядов. Полчаса экспериментов – и арашский вариант арафатки родился на свет. Еще час – и были готовы козырьки. С обмундированием мы разобрались. Девис, с которым я связалась по амулету, принес фляжки для воды. Ричард тут же зачаровал их от нагревания. Теперь вода долго будет прохладной. Вот тут игодились пояса для инструментов, которые изобиловали кармашками и приспособлениями, на которые можно было повесить все что угодно, включая фляжку. Змееловы шустро раскидали по кармашкам свои профессиональные инструменты. Они были рады вернуться к прерванным занятиям и воодушевлены – впереди такое приключение!

Несмотря на суету, которая, надо признать, стоила мне нервов, я понимала, что все на самом деле складывается очень удачно. Практика не займет много времени, большого перерыва в учебе для этих шестерых не случится. Да и подготовка к столичной выставке-распродаже гильдии краснодеревщиков не пострадает, потому что Мир у нас был одним

из самых умелых столяров. Именно он и его заинтересованность в свое время зародили во мне идею создания столярной мастерской. А сейчас этот парнишка с замашками зрелого лидера вел свою команду на добычу змеиных шкурок, которыми они вознамерились украсить шкатулки к предстоящей распродаже. Если у них все получится, то, по оценкам Беатрис, такая вещица будет стоить подороже, чем украшенная перламутром.

Ричард идею одобрил и с головой погрузился в дела столярки. С его силой, навыками и свободным от Мишки временем количественный и качественный прорыв нам был обеспечен. Кстати, ему принадлежала идея сделать партию чисто мужских, крупных и лаконичных шкатулок-ларцов для хранения документов или табака. И именно их отделать кожей благородных рептилий.

Я надеялась, что теперь сдвинется с места изготовление шкафов в спальные комнаты. Крючки и гвоздики, вбитые в стены, уже не решали проблему разросшегося гардероба наших воспитанников, как и индивидуальные ящики, встроенные в кровати.

Нехватка мебели ощущалась не только в спальнях, Аришки тоже просили дополнительные стеллажи для хранения отшитой одежды и постельного. Сейчас работа в столярке была направлена только в сторону предстоящего конкурса: изготавливались кресла-качалки, люльки, а также игрушки для детей. Шкатулки, ларцы... и все, что можно продать.

Змееловы уходили раньше обычного, еще до завтрака. Возбужденные, с горящими глазами и предвкушающие, как они всех удивят своими головными уборами. Смесь арафатки с бейсболкой выглядела весьма креативно. А уж при мысли о ланч-боксах вместо сухого пайка... Я им шепнула, что если все будет хорошо, то пусть раздадут лишние комплекты в целях рекламы. Парни как-то подзабыли, что главное удивление вызовут способности Мира и их слаженная работа, а не внешний антураж.

Далее день покатился своим чередом, хотя я без конца поглядывала на часики, а то и хваталась за амулет связи, чтобы связаться с Крафтом. Ему я доверила дежурный экземпляр. Он не ловчий, рискует меньше всех, но отвлекать не хотелось. И выглядеть клушей тоже.

Димка заглянул перед уроком, чтобы договориться о вечерней встрече. Мой мальчик стал как-то иначе держаться. Я не сразу сообразила, что он убрал от лица свою длинную рваную челку, которую использовал обычно как ширму, как щит. Закрепил ее на манер героев японского аниме, шнурком на макушке.

Вот только вечером нам поговорить не удалось, вернулись змееловы. Пыльные, пропотевшие и усталые. Прямо в своих арафатках. Это они так от гильдии добирались? Вопрос исчез сам собой, когда Мир снял свой козырек. Лоб пересекала четкая граница между белой чистой кожей и пыльной, тронутой солнцем.

– Ну вы даете, грязнули! – Василиа грозно взирала на пачанов. – В гильдии умыться негде?

– Нас прямо к порталной площадке вывели, – улыбался во весь рот Мир. – Наставник позаботился.

– Интересно, во сколько мне обойдется эта забота, – хмыкнула я себе под нос, но Мир услышал.

– Ни во сколько, я уже расплатился, – ребята счастливо скалились, выдерживая театральную паузу. Не иначе, как у Реджинальда научились. – Я отдал ему змею-филина. Наставник был доволен.

– Она ценная?

– Да не особо, просто редкая. А эта маленькая еще, долго проживет в коллекции гильдии. Да и красоты в ней нет, шкурки ни на одну приличную шкатулку не хватит, нам она бесполезна.

Чистые, накормленные змееловы купались в лучах всеобщего внимания и с удовольствием рассказывали о своих подвигах. Как ловко Мир с Беоном работали в паре, как здорово Крафт научился управляться с уже пойманными гадами. Как тщательно Том и Рег всех змей переписали. И как обалдели другие студенты. Мало того что наставник на практику к старшекурсникам притащил зеленых малолеток – следи за ними да спасай, чтоб не померли, наступив какой-нибудь несчастной на хвост, – так ещё и Мир удивил всех своими способностями. В общем, остальные злились и завидовали, глядя, как ловко наши управляются с любой целью.

– Нам бы завтра в гильдию пораньше, леди управляющая. Наставник разрешил подобрать шкурки в хранилище в обмен на живые экземпляры. Это чтобы не тратить время, когда еще змею обработаем и шкурку выделаем.

– Хорошо, – покладисто согласилась я. Их дело, как поступить со своим уловом. – Обмен хоть равноценный? Не продешевили? – уточнила я в надежде, что Аспид их не обдурил.

– Сколько змей наловили, столько и шкурок заберем. Если бы сами делали, то ещё и яд бы могли продать. Ну да ладно, не жалко. Конкурс уже скоро, не успели бы иначе. Но в другой раз... – Мордашка Мира стала одухотворенно-мечтательной.

– Смотрите сами, вам виднее. – Казалось, парней удовлетворил мой ответ. Неужели думали, что я возмущаться стану, что они продешевили? Тю-ю... Это отличная школа жизни. Со временем научатся оценивать потраченное время и заработанные деньги. Все приходит с опытом и набитыми шишками. – Так, а змей-то сколько поймали?

– Сорок восемь, – радостно отрапортовал Рег. – Только кобр восемь штук. И тринадцать полозов. Красивушие. Даже красный попался. Такие шкатулки получатся, – мечтательно закатил глаза он. – О! А мы и вам подарок принесли!

Порывшись в карманах пояса, Мир протянул мне что-то мелкое.

На ладони у меня лежал змеиный клык. Сдерживаясь изо

всех сил, чтобы не передернуть плечами от омерзения и растягивая губы в улыбке, чтобы ни в коем случае не обидеть подростков, я в очередной раз задумалась. То дерево вместо букета, то росток непонятный, то семечка странная. Чего мне от зуба этого ждать? Даже спросить страшно. В этом мире все мужчины такие оригиналы, или причина во мне?

Глава 10

Недосып последних дней явно сказался на моих реакциях. Только этим можно объяснить то, что я практически не обратила внимания на компанию взрослых ребят, собравшихся в гостиной. Удивительным было не это – комната давно превратилась в точку сбора домашних, а то, что в это время они должны быть в столорке. Более того, парни читали газету, а это вообще что-то небывалое и из ряда вон выходящее. Чтение давалось им не без труда. Кто-то справлялся шустрее, кто-то еле-еле, поэтому делалось это полупшепотом, заглядывая через плечи товарищей.

От воспитанников буквально исходили волны недовольства. Тут и пророком быть не нужно, все написано на их лицах. Прочитанное ребятам сильно не нравилось, потому что кто-нибудь из них то и дело бубнил себе под нос весьма сочные ругательства. Мои уши стремились завернуться в трубочки.

Я уже собиралась подойти ближе, выяснить причины и сделать замечание, но в гостиную стремительно вошел Гевин.

– Парни! Вы совсем забылись? Сколько мне баллов снять за четверть часа опоздания?

– Мастер Гевин! Тут такое...

– Тут наших теней поносят...

– Тут про маньяка, который детей убивал...

– Мы сейчас дочитаем и придем...

Ломкие ребячьи голоса звенели праведным гневом, но на Гевина это не произвело никакого впечатления. Он ловко выхватил газету, пробежался глазами по строчкам, нахмурился, на секунду задумался, принимая решение.

– Знаю я, какие из вас чтецы, до конца занятий провозитесь. Марш в мастерскую и за работу, я вам вслух прочту.

Любопытство, как говорится, не одну кошку сгубило, а уж женщин... не сосчитать. И тем не менее я отправилась следом за всеми в столярку. Должна я держать руку на пульсе или нет? Ничего, успею собраться. Ох, если сегодняшний визит к родителям Ричарда пройдет так, как мы надеемся, мужчина больше не будет от меня зависеть, и я смогу как следует отдохнуть, а не спать на ходу.

В мастерской стояла странная тишина. Не абсолютная, а наполненная невнятными трудовыми шумами. Кто-то тихонько работал наждачкой, кто-то подбирал брусочки по направлению волокон, готовясь клеить щиток, кто-то творил маленькими резцами или занимался иной малошумной деятельностью.

Гевин стоял, опершись на молчащий станок, и выжидал. Вот он прошелся взглядом по своим ученикам, после вскинул газету, распрямляя ее, и начал читать:

«С вами вновь Паисий Правдивый и очередная порция утренних новостей о жизни в столице.

Несколько дней назад в феишенебельной окраине столицы произошло весьма странное и страшное происшествие. По рассказам очевидцев, наблюдавших из окон своих особняков, уединенную усадьбу их соседей штурмовали силы правопорядка. К сожалению, почти сразу на место происшествия накинута непроницаемый полог, поэтому нам лишь остается гадать, что же там произошло. Но я провел свое расследование и готов поделиться достоверной информацией, которую мне удалось получить.

Судя по выбросам энергии, произошло нешуточное магическое сражение между находившимися в здании людьми и, сразу оговорюсь, элитным силовым подразделением. Поместье, а если точнее, большой особняк постройки времен прадедушки нынешнего короля с прилегающим к нему весьма обширным для черты города наделом земли всегда принадлежал одному известному магическому роду, прославившему себя на поприще академической деятельности и уникальных открытий.

Мои источники отметили, что свойства магического отката явно указывают на срабатывание ловушек со смертельным проклятьем. Более того, почтенный маг Лукас Льдистый, которому довелось участвовать в последней военно-магической заварушке, произошедшей около двухсот лет назад, утверждает, что со стороны защитников усадьбы было использовано колоссальное по своей мощи, жестокости и непредсказуемости заклинание “пьяная

кувалда”. Мое репортерское расследование привело меня в архив совета магов, где мне любезно предоставили возможность лично убедиться в том, что озвученное заклинание входит в список “неприемлемых для применения законопослушным магом”, потому что оно обладает огромным радиусом поражения и, особо подчеркну, не имеет способа нейтрализации.

Для людей далеких от магии поясню, что данное заклинание, выпущенное на волю, поражает своих жертв, не оставляя шанса на выживание. “Пьяная кувалда” движется по полю боя бессистемно и внезапно. Эдакая игра жизни и смерти. Кстати, сведения о том, что заклинание не имеет способов нейтрализации, однозначно устарели! Не буду говорить за всех, но меня это открытие очень радует! Странно, что такая важная новость нигде ранее не освещалась, но, возможно, информация утаивается специально, а создатель метода предстанет для награды на ежегодном весеннем балу? Узнаем уже совсем скоро.

Возвращаясь к моему расследованию, могу уверенно заявить, что среди группы захвата, жертв, отправившихся к Арису, нет, но есть пострадавшие. Одним из таких является командир группы Ричард Гризли, но ему, похоже, просто жутко не повезло. Или, наоборот, он счастливчик? По цензурированной версии целителей, он попал под воздействие проклятийной печати и под “кувалду” одновременно. И выжил! С самым пострадавшим мне пообщаться не удалось,

от внимания репортеров его, естественно, прячут, но мой источник заверяет: Гризли уже вполне здоров и набирается сил.

Но вот что странно. Около двух лет тому назад эта же группа вела охоту за маньяком, на протяжении длительного времени умерщвлявшего детей десятками. Мне довелось увидеть один из жертвенников, поэтому скажу, что убийства поражали воображение своей жестокостью. В то время мнение в обществе разделилось: одни ужасались кровавым подробностям, а другие считали этого человека чуть ли не санитаром общества, так как все его жертвы происходили из самых низов: беспризорники, сироты-отказники и прочий сброд.

Несколько месяцев назад эта же группа королевских теней вновь привлекла наше внимание, участвуя в нейтрализации преступников, удовлетворяющих порочные пристрастия богачей. И там тоже фигурировали дети. Как мы все помним, после этого в высшем свете прокатилась волна громких скандалов, а некоторые аристократические дома утратили свое влияние.

Теперь же перед нами вырисовывается странная логическая цепочка. С одной стороны – группа теней, которая раз за разом участвует в операциях, связанных с исчезновением детей, с другой стороны – новая серия убийств. Казалось бы, все повторяется. Жертвами являются дети, но теперь это не отщепенцы, а выходцы из просто народа, вполне бла-

гополучного происхождения. Ну и не стоит забывать о совсем недавних событиях, я говорю о бое в поместье, принадлежавшем пожилому, но все еще очень сильному магу, имеющему непосредственное отношение к Академии Магических искусств.

И это вызывает, помимо прочих, два **главных** вопроса, над которыми нам всем стоит задуматься. За что королевские тени получают свое высокое жалованье, ведь даже спустя несколько лет исчезновения детей продолжаются?! Кому мы доверяем обучение наших отпрысков, если последователи маньяка есть даже за стенами главной Академии Магических искусств?

В деле об исчезновении и гибели десятков детей доподросткового возраста фигурируют маги высокого ранга, возраст которых позволяет знать о ранее широко известных, но уже большие века запрещенных заклинаниях. Кто учит нашу одаренную молодежь, если академические мужи считают возможным применять военные, ныне запрещенные навыки прямо в черте города, оказывая сопротивление властям?

Расследование продолжается, ведь люди должны знать правду! И я вам её расскажу.

Паисий Правдивый».

Гевин закончил читать в абсолютной тишине, работа приостановилась, ребята слушали наставника внимательно и напряженно. Кто бы мог подумать, что эхо той летней истории

докатится до нас сейчас. Мир словно оцепенел, заново переживая давние страхи.

– Так вот почему Ричард сам не свой, – задумчивый голос Димки-Шона вывел всех из ступора.

– А где он, собственно? – Димка неопределенно мотнул в сторону двора, кажется, даже не осознавая моего присутствия.

– Я видел его на полигоне. Он комплекс блоков отрабатывал. Хотел попроситься к нему на тренировку, но он даже не услышал меня. Зато руки так и мелькали, я так никогда не смогу.

– Ладно, закругляемся, парни. У нас с вами впереди выставка краснодеревщиков, и, если не хотим уступать нашим девочкам, которые заняли призовые места, следует заняться делом. Скоро привезут кожу, так что давайте работать, нужны заготовки!

Покинув мастерскую, я не знала, что делать, первым порывом было найти Ричарда и... что? А ничего. Сейчас точно не лучшее время, чтобы «лезть под кожу». Он сам меня найдет, когда будет готов. Скорее всего, мужчина видел газету и таким образом спускает пар, так что не стоит мешать.

Но вопросы о происходящем никак не желали покидать мою голову, зато мысли о том, что мои воспитанники находятся в опасности каждый раз, посещая академию, пугали невероятно.

На этот раз Флин не уйдет от разговора, да и Ричард, здо-

ровье которого выправилось, удостоится допроса с пристрастием. А сейчас, вместо того чтобы накручивать себя, лучше подготовиться к визиту в дом будущей свекрови.

Глава 11

Особняк родителей Ричарда находился в районе богатых окраин, богатых настолько, что располагал собственной портовой площадкой, не уступающей по пропускной способности той, что располагалась в академии, но гораздо более комфортной и нарядной.

– Не согласится ли прекрасная леди совершить небольшую пешую прогулку? – Ричард лукаво на меня посматривал, протягивая руку в приглашающем жесте.

Он что, думает, что откажусь? Да я с удовольствием! Если бы не острая нужда в дорожном амулете, который позволит Ричарду совершать оборот в любое удобное для него время, а не только тогда, когда ему есть где раздеться и куда пристроить одежду, я бы с удовольствием потянула с этим визитом сколько возможно. Нам бы хоть часок найти, чтобы между собой разобраться. Но в нашей и без того напряженной жизни появился Мишка, который требовал к себе внимания и особого отношения.

Да и... в последний раз знакомство с родственниками избранника было... дайте-ка подумать... лет так – *дцать* назад? Да и не понравилась я им. А с родителями Ричарда знакомство хоть уже и состоялось, но то было в больнице, где все внимание оставалось прикованным к мужчине, а сейчас намечалось что-то вроде официального мероприятия. И уда-

рить в грязь лицом не хотелось совершенно.

Прогуляться морозным полднем по ухоженным улицам было одно удовольствие. Поездка в экипаже не доставила бы мне столько приятных минут и уж точно не уняла бы начинающийся мандраж. Улица была бы как улица, если бы ни затейливые таблички, оповещающие прохожих о том, кто живет в доме. Мы приостановились у одних из таких ворот, чтобы рассмотреть надпись. Дом, который был нам нужен, я нашла бы и одна, ибо надпись гласила: *«Счастливый дом Рауля-Рыхлителя и Рамоны, матери Гризли»*. Вот так. Это название, выполненное стильной резьбой по мореной до янтарной черноты плахе из хорошо узнаваемой шиквеи породило столько вопросов, что я забыла, что должна нервничать перед встречей с потенциальной свекровью. А с другой стороны, чего мне бояться после Клавдии Карловны?

Подумаешь, медведица.

– Эй, дома есть кто? – голос Ричарда прокатился по помещению, стоило нам только открыть дверь милого двухэтажного особняка.

Ответом послужила тишина. Держа за руку, Ричард вел меня в глубь дома, совместив поиск родителей с короткой экскурсией.

Дом был большой. Обстановка просторных комнат очень добротная и почти минималистичная. Центр каждой комнаты был свободен и застлан толстым ковром, дань когтям, насколько я понимаю. Если бы не множество крупных, мелких

и совсем крошечных деталей на светлых стенах, комнаты бы казались пустыми. Но разглядывать долго эти уникальные предметы мне не довелось, из-за очередного угла выплыла Рамона в изящном темно-зеленом платье, а следом за ней появился и отец моего жениха, Рауль.

Ричард тут же оказался в крепких объятиях матери, в то время как родитель просто похлопал его по плечу. Меня хоть и не обнимали, но встретили очень тепло.

– Спасибо тебе, девочка, – тихо произнес Рауль, пока Рамона о чем-то щебетала с сыном.

– За что? – вскинула я взгляд на собеседника, но тот лишь следил за своей семьей с радостной улыбкой на губах.

– За сына. Он сам тебе не скажет, просто потому, что никогда не признается, что чувствовал себя неполноценным. И за спокойствие моей супруги. Рамона долго плакала и молила всех богов, чтобы это день настал. Связь со Зверем... нам этого с тобой не понять.

– Это... думаю, боги слышали Рамону, Рауль. Моей заслуги тут и нет практически, просто череда совпадений.

– Ты правда так считаешь? – усмехнувшись, словно я неразумное дитя, мужчина сверлил меня взглядом, в котором танцевали задорные бесенята.

– О чем вы тут шепчетесь?

К нам присоединились мать и сын, спасая меня от необходимости подбирать слова для ответа.

– Ничего интересного. Ричард, мне уже не терпится пока-

зять тебе свою новую разработку. А дамы пока почирикают без нас, что скажешь?

На самом деле вопрос был риторическим, так как мужчины практически сразу скрылись из поля зрения. А Рамона меня увлекла беседой, продолжая миссию сына, знакомя с домом, родовым гнездом Ричарда.

Я ожидала вопросов о себе, своей жизни, а по факту женщина жаждала подробностей о том, что же все-таки послужило причиной полного оборота.

– Сын мне ничего не расскажет, я к нему даже приставать с этим не буду, – легкомысленно отмахнулась она от моего смущения – мне не хотелось начинать официальное, так сказать, знакомство с обсуждения проблем Ричарда за его же спиной.

– Меня тоже не посвятили в подробности, а на обследовании я не присутствовала. Декан Друцис упомянул только небольшое истощение, но это мы и так знаем. У ректора Сайтона есть смутные догадки, что та смесь энергий дала необходимый толчок для оборота, но... все очень зыбко. Слишком много факторов, и, как я поняла, в академии сейчас пытаются выяснить последовательность. А Ричард... после каждого оборота ест как не в себя. А Мишку кормить мы пока не решаемся. Тут ваш совет нужен.

– Вот отобедаем, посмотрю, как сын оборачивается, и скажу, что делать. Ну, пойдем к столу, пока Рауль не подключил сына к своим экспериментам. Не вытащишь потом из

мастерской.

Показное и уж очень доброе ворчание Рамоны меня не обмануло.

За столом я наконец задала вопрос о так заинтересовавшей меня надписи над воротами. Оказалось, что Рауль – маг земли, человек чрезвычайно мирный. Но, как и любой маг такого высокого уровня, имеет военные и боевые навыки. В основном он специализируется на фортификации, а точнее, на разрушении всяческих укреплений. Лучше всего ему удастся создавать зыбучие пласты, если почвы позволяют. Он может врыть в землю под бойницы высокую башню или облегчить создание подкопа. Ну и все в таком роде, на что хватает воображения. Естественно, все подробности его деятельности мне никто рассказывать не стал бы. Подозреваю, не последнюю роль играли разного рода клятвы о неразглашении.

– Отец мог бы все печати с проклятиями нейтрализовать, – всем своим видом выражая гордость за родителя, вставил Ричард. – Он способен просто втянуть их на огромную глубину, где они стали бы безопасны.

– Но, насколько я понимаю, печать совсем небольшая.

– Ага, размером с твой любимый блокнот. Но это неважно.

– В молодости, – подключилась Рамона, положив свою ладонь поверх крупной ладони мужа, – когда Рауль оставался на службе у короля, отрабатывая долг за обучение, мы были

стеснены в средствах. Мне он работать строго-настрого запретил, да и к тому же меня искал брошенный жених из клана, – взгляд Рамоны затуманился воспоминаниями, – Рауль хватался за любую подработку. Если служба позволяла, то по деревням мотался, там всегда заказов хватало. Где ров прочистить, где камни с полей убрать, а то и огород взрыхлить. Но это все... сезонная подработка, да и не всегда удавалось вырваться со службы. Однако он все же нашел оригинальный способ быстрого и легкого заработка. Начал спорить со знакомыми, что сможет утянуть куриное яйцо на глубину в пару локтей, не потревожив грунт и не разбив скорлупу. Он это яйцо потом назад поднимал. Целехоньким. Вроде бы такая глупость, но люди очень азартны, как оказалось. Так и выживали на первых порах.

– Романтично, – резюмировала я, восхищаясь этой милой историей любви. – И я сейчас не о яйце, а о том, что вы рука об руку шли с самого начала, помогая и поддерживая друг друга.

– Я влюбилась в него с нашей первой встречи, – смеясь, продолжает рассказ Рамона. – Такой внимательный, заботливый и сильный. И он влюбился, иначе не украл бы меня из-под венца ровно через неделю. Правда, Рауль?

– Если я скажу, что ты мне угрожала своими острыми когтями, разве ж они поверят? – отшутился мужчина, явно смущенный такими откровениями.

– Может быть, расскажете историю интересных табличек

у домов? Рамона, мама Гризли?

– О, это свежая надпись! – Рауль ухватился за новое суждение, как утопающий за соломинку. Впрочем, это было очевидно всем. Ричард пытался прикрыть свой смех кашлем, а Рамона продолжала смотреть на мужа влюбленными глазами, продолжая гладить его ладонь. – Я ее сделал, когда за Ричардом официально закрепилось это прозвище. Вроде как похвала женщине, воспитавшей ребенка, который достиг успеха, – мужчина удовлетворенно щурился. – А до этого была надпись «мама Рамона».

– Красиво.

– Да, красиво. Это обычай моего народа, девочка, – ответила Рамона. – Мой клан носит название Бер. За его пределами я звалась Рамона Бер. А внутри это имя теряло смысл, мы все были Беры. Поэтому женщин обозначали по их наивысшему, ценимому в клане достижению. До замужества я звалась Рамона-медовка. Никто лучше меня не умел находить мед и договариваться с пчелами. Замужнюю обозначали по имени мужа, если никаких других достоинств у нее не было. Но самый высокий статус имеет рожавшая женщина. Поэтому я была бы просто «мама Ричарда». А уж если ребенок достигает успеха, то для матери это честь и хвала.

– И к вам так и обращались бы?

– Да, это официальное вежливое обращение для обратной.

– Извините, Рамона, но для моего слуха это звучит

очень... — я хотела сказать «звучит очень дико», но в последнюю секунду спохватилась, — необычно. «Здравствуйте, мама Ричарда». Так, да?

— Именно. Что поделаешь, традиции. А если детей больше, то перечисляют всех. Когда Ричард получил свое отличительное прозвище, Рауль переделал надпись, тем самым подчеркнув мой высокий статус.

Неспешный разговор за столом касался в основном семьи Ричарда. Меня расспросами не беспокоили, за что я была искренне признательна. Родители Ричарда — исключительно деликатные люди. Понятно, откуда у их сына такая вдумчивая заботливость.

Меню было простым, калорийным и очень обильным. Рядом с моей тарелкой стоял маленький набор специй и солонка. Тоже говорящий знак внимания. Медведи те еще нюхачи, сильных запахов избегают, но обо мне позаботились, а Рауль, я думаю, за столько лет приспособился или нашел обходные пути.

Застольные разговоры крутились вокруг обычаев оборотней, это была информация для меня, и вокруг нашего приютского житья-бытья. Я даже не подозревала, что Ричард так живо интересуется всем происходящим в доме. Он был в курсе всего, вплоть до коровы Куклы и способа приготовления сгущенки, которую, кстати, он надоумил меня прихватить в подарок Рамоне. Мне следовало догадаться. Наша сгущенка меду не уступит.

– Сын, ты чем-то огорчен? – вопрос Рауля выбился из канвы общей легкой беседы. Как он заметил? Даже меня Ричард ввел в заблуждение своим довольным видом.

– Ничего критичного, отец. Статья одна попалась на глаза.

– Уж не в «Столичном Вестнике» ли? – на тихий вздох Ричарда Рауль весело рассмеялся.

– К нам приходил журналист, – вступила Рамона. Они с Раулем вообще очень интересно говорили – муж начинал предложение, супруга его заканчивала, или наоборот. Выглядело это волшебным, полное взаимопонимание.

– Паисий? – уточнил Ричард, но Рамона лишь отмахнулась.

– Попробуй догадайся, он ли это был или его подручные. Но этот мужчина был странным. Представляешь, он лысый. Наши целители могут новые зубы вырастить, кости собрать, рваную ауру подлатать, не то что шевелюру. А этот лысый и очень настырный.

– Все пытался в дом войти, – Рауль откровенно хихикал. – Рамона с ним на улице говорила, а он ее к крыльцу теснит и теснит.

– Рауль его пожалел, прямо в дорожку прикопал. По щиколотки. А я пальчиком погрозила...

– Когтем, ты хотела сказать? – подначил жену глава семейства.

– ...Он быстро сообразил, что перегнул палку, – не обращая никакого внимания на пояснения мужчины, продолжи-

ла мать Ричарда. – Такой этот писака пронирыливый, – Рамона скорчила неприязненную, но все равно милую рожицу. – Я чуть медведицу не выпустила, так что репортеришке повезло.

– А что он? Неприятное что-то написал?

– Ну, ты же читал, отец. По глазам вижу. Меня мало заботит эта статья, если честно, все как всегда, ничего не меняется. Просто... очень не вовремя. Этот Паисий Правдивый интересно пишет и действительно правдиво. Мы с парнями даже спорили, не под заклинанием ли он. Вот только к той операции нам внимания пока не нужно. Главная рыба еще не поймана.

Разговор о службе Ричарда развеял приятную атмосферу. Чтобы не позволить тени маньяка испортить нам обед, я довольно неуклюже перевела тему.

– Сладким пирогом тянет. Аромат очень соблазнительный.

– Правильно, девочка. Работу свою, пожалуйста, оставьте за порогом этого дома. Нам что, обсудить больше нечего? – возмутилась хозяйка. – Лиза, не поможешь мне?

– С малиной и черникой, да, мам? – донесся вопрос Ричарда нам в спину.

Обсудить и вправду было что. Рамона быстро задала тему, всплеснув руками и подскочив со своего места, словно ужаленная.

– Как я могла забыть?! – причитая себе под нос, она по-

мчалась в глубь дома, да так стремительно, что впору было усомниться в том, что эта шустрая женщина является матерью мужчины, разменявшего пятый десяток.

То, что Ричарду сорок четыре, я выяснила совсем недавно, в госпитале. А на вид и тридцати пяти не дашь.

Рауль с улыбкой смотрел вслед жене. И я удивлялась, ведь они вроде не истинные, а какие долгие чувства. Интересно, почему у них при такой любви только один ребенок?

– Вот! – Рамона с победным видом положила на скатерть маленькую, с ноготь, подвеску в виде медвежьей лапки. На ней были прорезаны даже ворсинки, не то что коготочки или мягкие подушечки. Какая правдоподобная миниатюра!

Согласно правилам, подвеску должен делать отец, значит, вся красота на стенах – дело рук Рауля? Из созерцательного состояния, которому весьма способствовал сытный обед, меня вырвал голос Ричарда.

– Ну и как мне это прикажете носить? Пап, о чем ты думал, ведь это же навсегда! Он больше нашему с Лизой дитю подойдет!

– Так ты сам был ещё в утробе, когда я его делал!

– Смирись. Это твой личный артефакт, настроенный только на тебя. – Рамона ехидненько улыбалась. – Неужели ты бы упустил возможность сделать такую вещицу для своего ребенка сам? Не чеши в затылке, это неприлично! Давай я помогу застегнуть, а потом опробуем, работает ли еще заклинание? Ой, а это что?

Рамона с интересом разглядывала вытянутую на свет подвеску с кулоном-сердечком.

– Подарок Лизы, – просто, без капли смущения или секундной паузы, ответил Ричард. – Она согласилась связать наши судьбы.

– А почему прячешь такую красоту? – недоумение Рамоны просто звенело в словах.

– Это мой подарок, почему я должен демонстрировать его остальным? – отбрыкивался новоиспеченный жених от незаслуженного наезда.

– Потому что так принято! Сорок четыре, а мозгов как... Эх, жил бы ты в клане и таких вопросов бы не задавал! Плохо я тебя воспитала, – пробурчала Рамона. На секунду у меня возникло предположение, что рассерженная мать сейчас отвесит своему непутевому сыну не то подзатыльник, не то щелбан. И не у меня одной – Ричард ловко отклонился назад, во избежание, пока Рауль давился смешками, наблюдая за очередной семейной сценкой. – А ну пошли на улицу! Уворачивается он мне тут, совести у тебя нет, сын. А кулон оставь, пусть так висит! Такими дарами хвастаются. Смысл не в подарке, а в том, что ты его получил. А уж такую красоту точно не прячут, это ж не лента с кривой вышивкой.

Как выяснилось, для удобства Рамоны и её медведицы на заднем дворе имелась большая лужайка. Полог невидимости скрывал ее от любопытных глаз, так что хоть какой-то аналог выгуливания «по-быстрому» имелся.

Мне хотелось рвануть с Ричардом и его мамой, чтобы взглянуть на процесс оборота и результат эксперимента с амулетом. Да и на медведицу Рамоны посмотреть хотелось, но меня притормозил Рауль.

– Не стоит. Пусть Рамона-медведица насладится общением с сыном. Как вы его называете, Мишка? Жаль, что я упустил возможность дать имя моей медведице. В обеих ипостасях она для меня Рамона.

– Как вы думаете, амулет сработает? Все-таки столько времени без дела лежал.

– А неважно, – Рауль ухмыльнулся, – одежда для Ричарда найдется.

– Все-таки странный процесс создания амулета. Мне Ричард рассказывал. Ничего не поняла, что, как и почему происходит.

– Очень древний метод оборотней. Сам диву давался, когда Рамона забеременела и потребовала от меня чашку крови. Я тоже не до конца разобрался, как это работает, но факт есть факт. И, что самое удивительное, этот ритуал одинаков у всех оборотней, без исключения.

Много поколений у долго живущих оборотней – это прова времени. Ритуал, в котором нет ясной логики и который не менялся все это время. А не порезвился ли тут кто-то из древних первомагов? Или словесников, как называет этих одаренных сам Арис? Пожалуй, стоит обратиться с этой догадкой к Сайтону, может, ему что-то известно.

– Пока мы одни, Лиза, я хотел предостеречь вас.

– Говорите мне «ты», пожалуйста, – попросила я будущего свекра, – предостеречь? От чего?

– Оборотни чрезвычайно ревнивы. Это даже не столько ревность, сколько собственнические порывы. Во что бы то ни стало охранять свою территорию. Охотничьих угодий, у них, естественно, нет, вот любимый и дети и становятся такой территорией. И если оборотень чувствует, что от него что-то скрывают, он начнет выяснять правду всеми доступными способами, вникать во все аспекты вашей жизни, проявляя нетерпение, непомерное любопытство, в редких случаях агрессию. Либо же будет тихо страдать, если почувствует, что знает не все. Полагаю, Ричард из второй категории. Его мать такая же. Она ни в коем случае не покажет, что ее что-то обижает, даже словом не обмолвится, так что я в свое время собрал почти все шишки. У меня, к сожалению, не было консультанта по семейной жизни, когда твоя супруга – оборотень. Они все такие. И не по той причине, что не уважают пару, а потому, что звериный инстинкт влияет на человеческий характер. У меня не было помощника, но ты всегда можешь ко мне обратиться. Все же какой-никакой, а опыт имеется, да и сына своего я знаю.

– Спасибо, – вместо внятной благодарности получился какой-то надорванный шепот, поэтому пришлось откашляться и повторить попытку: – Спасибо, для меня это очень ценно. Эмоции в этот момент переполняли. Казалось, ещё чуть-

чуть – и плотину прорвет. Разве могла я надеяться на подобное? Слова отца Ричарда являлись прямым подтверждением того, что меня приняли. И готовы помогать, если потребуется. На секунду я почувствовала сопричастность, словно стала членом этой семьи, и только от этой мысли в душе разливалось потоком тепло. В груди щемило, и я с трудом удерживала слезы, не желая хлюпать носом перед будущим свекром.

– Ну что ты? – растерялся Рауль, уловив мои эмоции. Мужчины всегда теряются при виде женских слез, в другом мире ситуация ничуть не лучше. – Пойдем-ка лучше, узнаем, как там дела у Рамоны с Ричардом.

То, как неловко мужчина похлопал меня по плечу в попытке привести в чувства, вызвало улыбку.

Идти никуда не пришлось. Вернулись Рамона, довольство которой ощущалось за километр, такой счастливой она выглядела, и смущенный, потирающий шею Ричард.

Надеюсь, что мою радость при виде любимого, облаченного в прежнюю одежду, не сочтут меркантильной. Выходит, что амулет сработал. Это не могло не радовать.

– Что, медвежонок, получил первую трепку от мамы-медведицы?

– Ага, – беззаботно согласился Ричард. – Так забавно. Я привык, что мама маленькая, – Рамона и в самом деле в человеческом образе уступала в габаритах своему сыну, – а я большой и сильный. А тут вдруг – бац! – и я опять маленький. Дело не столько в размерах, сколько в ощущениях. Но

Мишке понравилась медведица. Он любит Лизу, но недоволен, что с ней играть неинтересно. Слабая слишком, фыркнешь – улетит. А тут меня изваляли так, что удирать пришлось.

– Ну и отлично! Значит, отныне я буду спать по ночам, а не гулять с Мишкой. Так ему и передай, ябеде! – сделала я вид, что надулась. В ответ Ричард залился смехом, а после поцеловал меня в висок.

– Тебе нужен другой шнурок для амулета, из этого ты немного вырос, – я откровенно наслаждалась – маленький кулончик, утонувший в яремной ямке, смотрелся бусинкой. Мужчины в этой семье имели мощные шеи.

– Вообще, я думал перевесить кулон к твоему подарку, только цепочку нужно зачаровать, чтобы не рвалась, а то снимать каждый раз неудобно, – оторвавшись от тарелки, сообщил Ричард. – Или просто сделать другой амулет.

– А это вообще возможно? – обратилась я уже к Рамоне. – А как же кровь и прочие аспекты ритуала?

– А это уже неважно, – Рамона неожиданно погрустнела. – Кровь папы и мамы оборотней обеспечивает некую связь с ребенком. Это трудно объяснить, но есть чувство некой эмоциональной пуповины, позволяющей контролировать медвежонка, находясь в человеческой ипостаси. Мне очень жалко, что для моего медвежонка это уже неактуально. – Рамона покачала головкой, отгоняя непрощенную грусть. – Поэтому да, можно заказать другую вещицу. Всего-то и надо привя-

зять пространственный карман, хоть это и недешево.

– В академии все решается, – отмахнулась я, – у нас сам ректор Сайтон в научных руководителях ходит. А если серьезно, то, думаю, решение найдем.

– Да, Лиза, – Рауль аж подался ко мне всем корпусом, – я все хотел спросить, как так получилось, что сам архимаг так запросто с тобой общается. Архимагов-то на весь мир полторы сотни не наберется.

– Ректор Сайтон чудесный человек. Он наставник моего сына.

– А вот это уже подводит нас к другому вопросу, который я хотел тебе задать! Раз Ричард принял твой дар, как я понял, – далее последовал кивок на нефрит, все еще висевший поверх одежды Ричарда, – думаю, что мы могли бы поговорить откровенно. Но, если ты не захочешь отвечать, я давить не стану. Так вот, в госпитале твоя аура была иной. А сейчас в ней солнцем горит материнская метка. Что это значит?

– А раньше не горела? – Мне было действительно интересно. И Флин, и Веррес, и Сайтон легко принимали мою связь с Димой и уважали ее, значит, что-то а моей ауре на это указывало?

– Раньше было видно, что есть очень близкий человек, близкий не по крови, но очень важный для тебя.

– Был ритуал побратимства. Вы об этом говорите?

– Нет, это разные метки. Средний маг и не заметит разницы, но я был на службе, а там такие навыки оттачиваются до

автоматизма. Есть брат не по крови, а есть ещё кто-то очень близкий. Я бы даже сказал, близкий по духу.

– Ох, – мне стало нехорошо при мысли, сколько сейчас придется говорить. Благостность семейной атмосферы растворилась без следа, – это очень долгая история.

И я не была уверена, что могу все рассказать.

А почему, собственно, нет? Семейке Эмили же меня дернул черт многое сболтнуть. Конечно, они знают не все... просто я и тут не буду вдаваться в детали, особенно, что касается дара словесника.

– Да мы никуда не спешим, рассказывай, детка, как есть, – Рамона была счастлива и великодушна.

– Лиза, – Ричард уселся рядом со мной, – отец и мама знают, что ты из другого мира, я в детали особо не вдавался, но объяснить нужно было. Пожалуйста, скажи, что ты не против.

– Да я только рада, мне меньше забот. Да и какая тут тайна? Из домашних, за исключением учителей, не знают только дети.

– Не обольщайся, хорошая моя, – хихикнул Ричард. – Ульх рассказывал, что по-первости дети буквально тушевались, не зная, как себя вести с тобой. Ты же не подходила ни под какие стандарты и нормы не то что аристократки, а даже простого жителя. Тебя считали ненормальной, экстравагантной и слегка сумасшедшей, прости за откровенность. А сейчас они твердо уверены, что ты необыкновенная. По-

этому и принимают так тебя и твои решения. С пиететом. Скажи им про другой мир, и они ответят: «А, ну это все объясняет», – и пойдут заниматься своими делами. Никого ты особо не удивишь.

– И это мой сын, – горестно вздохнула Рамона, – твой отец с куриным яйцом обращается нежнее, чем ты со своей невестой. Ну кто такое говорит? – под раскатистый смех мужчин, наслаждающихся театральным представлением хранительницы семейного очага, я с удовольствием наблюдала за красивой женщиной, изображающей наигранное возмущение и недовольство. – Ладно, давайте дальше. Так что там за сын у тебя появился за неполную декаду? – Рамона забарабанила ногтями по подлокотнику кресла, в котором сидела, едва заметно подавшись вперед, всем своим видом выражая нетерпение. – Даже нам с Раулем потребовалось десять месяцев, чтобы обзавестись ребенком, а ты явно бьешь все рекорды.

– Дима... он приемный сын. Нет, не так, он ребенок моего сердца. – Я замолчала, подбирая дальнейшие слова и позволяя слушателям обдумать уже сказанное. – Я усыновила его еще в прошлой жизни, на Земле. Точнее, до завершения процедуры официального усыновления оставались сущие мелочи. Там с этим очень строго. Нужно пройти бюрократический ад, ритуалов нет, боги там не помогают. Мой бывший супруг наотрез отказывался от усыновления, поэтому все тянулось довольно долго.

– А своих детей у вас не было? – Рамона явно отбросила светские экивоки и называла вещи своими именами, давая мне еще одно подтверждение, что тут все свои.

– У меня не было. А у супруга, как выяснилось, были. От другой женщины, у которой со здоровьем было все в порядке. Поэтому он и не принимал Димку, ведь у него своих двое, зачем ещё один? Одна жена была полностью сосредоточена на нем, великолепно, ублажала, дом обхаживала, деньги лопатой гребла, надрываясь на работе. А вторая жена у него была для любви. Не работала, детей воспитывала и тоже ублажала, ведь он ее и их детей содержал. И неважно, что на деньги законной супруги.

Рауль и Ричалд пробормотали что-то заковыристо ругательное, Рамона только губы поджала, явно разделяя мнение мужчин, она-то наверняка все расслышала.

– И как ты это терпела? – поинтересовалась будущая свекровь.

– А я и не терпела. – Мне пришлось сжать руку Ричарда, которого обуревали эмоции. – Сперва, когда поняла, что мужу я больше не интересна, сосредоточилась на работе. А когда правда всплыла наружу, пришлось выждать ещё какое-то время, чтобы устроить развод и не остаться при этом нищей. Поэтому с усыновлением все так затянулось.

– Надо было просто прибить мерзавца, – Ричард и Рауль синхронно кивнули Рамоне, высказавшейся столь кровожадно.

– Ричард, успокойся, это уже в прошлом, которое я уже начинаю забывать благодаря тебе, – переплетая свои пальцы с мужскими, сказала я Ричарду так тихо, как только смогла, надеясь, что его родители не услышат этого признания с полутораметрового расстояния. А потом продолжила уже для всех: – Прибить хотелось, но в том мире такой метод неприемлем. Да и вышло все с точностью до наоборот, из-за него пострадали мы с Димкой. Только, как оказалось, боги существовали, и у них были свои планы, которые едва не рухнули. Мне предложили возродиться здесь, обещав спасти и Димку. Естественно, я согласилась. Но за это мне надлежало выполнить миссию, возложенную на прежнюю владелицу этого тела, Эмилию фон Риштар. Чем я сейчас и занимаюсь по мере сил.

Говорить о том, что о миссии у меня весьма смутные представления, не стала. Более того, только после этого душеизлияния я задумалась, что недурно было бы поинтересоваться целью своего нахождения у Ариса. Да в том же храме. А я тогда о какой-то ерунде думала. Как всегда, мудрые мысли приходят в голову слишком поздно.

Маленький клан Рамоны притих, усваивая новую информацию. Мне было искренне жаль Ричарда, на которого этот эпизод из моей жизни произвел тягостное впечатление. Хотя я и не рассказала в красках про инцидент, благодаря которому мы с Димкой перешли грань, но главное ему уже известно. Разве додумать остальное проблема? Почему у меня

никогда не хватает времени на то, чтобы уделить внимание самым дорогим людям? Вот Ричарда шокировала, а до этого Димку с ритуалом усыновления мурыжила. Правда, Ричард ни разу со времени своего возвращения из госпиталя не пришел ко мне в спальню, тем самым лишив меня шанса на неспешный рассказ. А днем и других забот было достаточно, да и рядом всегда кто-нибудь да был. Такой разговор не начнешь с бухты-барахты и не перескажешь все впопыхах.

– Я полагаю, что приют займет у тебя ближайшие несколько лет, – Рамона не спрашивала, констатировала факт. Кто же с богами спорит? – А как же твой сын?

– Ну, у него как раз все лучше всех, – ответил за меня Ричард неестественно бодро.

– Не говори глупости, сын. У них даже своего дома нет, что это за семейная жизнь – в приюте?

– А вы приезжайте к нам и увидите, что там за жизнь, – проявить радушие было самым правильным с моей стороны, – все не так плохо, как вы думаете. И Ричард прав, у моего сына теперь действительно все очень хорошо. Ритуал усыновления мы наконец прошли, сам Арис нас благословил. В наставниках у него архимаг, дядя – самый сильный менталист королевства, дедушка, если можно так сказать про Верресса, тоже личность известная и могущественная...

– А в отцах, – продолжил за меня Ричард, – командир группы Королевских Теней и сильный оборотень.

– Ты так уверенно произнес «в отцах», сын. Ты хорошо

подумал? – Рауль смотрел на нас требовательно и серьезно. – Все-таки для нашего мира это ребенок-отказник, да еще и с грузом прошлой жизни. Тебе решать, но заявить, что станешь отцом, – это очень ответственный шаг. И ты, Лиза, почему так поступила? Ведь, как я понял, с Ричардом ты не посоветовалась?

– А хорошо ли ты подумал, милый, задавая подобный вопрос женщине, которая своего ребенка из лап смерти вырвала и в другой мир исхитрилась протащить? – Рамона аж оскандилась. – Разве ты не понял? Лиза бы не стала жить без своего Димы!

– Ты, пап, этого пацана не знаешь, – примирительно сказал Ричард, – о том, что Дима для Лизы особенный, я знал почти с самого начала. Поверь, у меня было время подумать. И, знаешь, до чего я додумался? – Рауль вопросительно поднял брови, демонстрируя, что он очень внимательно слушает. – Понял, что если не приму мальчика, то Лиза никогда, слышишь, никогда не примет меня в качестве мужа.

В комнате повисла напряженная тишина, в которой тихий вздох Рамоны, осознавшей эту правду, был подобен раскату грома. Я же не знала, куда смотреть, поэтому сверлила взглядом столовые приборы. Почему-то именно в этот момент появилось ощущение, что я лишняя в этом доме.

– Но это еще не все. Именно сыну Лизы я обязан полным оборотом. Он уникальный маг, за которым сам Арис приглядывает. Поэтому его обучением занимается лично архи-

маг Сайтон. Это Дмитрий мне оказывает честь, называя отцом, а не я ему.

Вот ведь! Тысячу раз прав Рауль, описывая мне повадки оборотней. Разве я могла подумать, что Ричард так пристально за мной наблюдает и так скрупулезно анализирует мое поведение? Все по полочкам разложил, ничего не упустил. Даже страшно немножко стало, ведь это очень ответственно, доверять и быть полностью открытой. Сколько месяцев я, можно сказать, умалчивала о своем прошлом, а он терпеливо ждал. А сегодня вывалила прямо при его родителях. Хотя, надо признать, выбора у меня особого не было, да и назревал этот разговор давно. Только это лишь жалкие оправдания, и мне придется тщательно пересмотреть свое поведение по отношению к моему личному Гризли.

Я так погрузилась в эти думы, что упустила нить довольно бурного обсуждения.

– ...я не спорю, сын! – Рауль вскинул руки в примирительном жесте. – А лишь хочу сказать, что твои личные предпочтения и обстоятельства не освобождают от ответственности! Ты как минимум должен изменить его жизнь так же, как он изменил твою и нашу. Это долг жизни, понимаешь? Ты маг, должен ведь знать, что равновесие – дело нешуточное и долги нужно возвращать. И если не ты, это сделаю я.

– Да о чем вы спорите?! – Рамона стукнула ладонью по столу и подпустила в голос рычания, у меня аж за грудиной завибрировало. Вот это аргумент! Мужчины притихли, и их

взгляды сосредоточились на хрупкой женщине. — Итак, у меня всего два вопроса, — вот такую свекровь, пожалуй, стоит если не бояться, то опасаться точно, — когда я увижу своего внука и когда свадьба?

— К нам приезжайте в любое время, только сообщите заранее, чтобы я была на месте, — повторила я приглашение. — Есть еще вариант. Через несколько дней мы будем на выставке-распродаже в Гильдии краснодеревщиков. Можете присоединиться к нам там, будем рады любой поддержке.

— А со свадьбой, мама, придется подождать. — Рамона, услышав такой ответ, сморщила носик. — Ты же сама понимаешь, что зверю надо вырасти, а связи войти в полную силу. Мишка вырастет стремительно, но он еще совсем пацан, прямо как наш с Лизой сын.

Какие интересные подробности открываются! Мне срочно надо пересматривать свой график, да что там — стиль жизни. Я не в курсе таких важных нюансов про взросление Мишки, а тут уже свадьба! Даже не представляю, как Ричард хотел бы отметить это событие! А традиции? Что там с традициями оборотней? Как проходят свадьбы в этом мире? Может ли отец Эмилии помешать?

Да и какая свадьба?! На Земле давали два месяца, чтобы все обдумать и увериться в своем решении. А тут помолвка — и уже свадьба?

Вопросов миллион, но раз уж в силу обстоятельств мне перепала отсрочка, я просто ей порадуюсь. Может быть, пе-

репадет пара спокойных декад для того, чтобы наладить новые отношения с женихом?

Прощались с родителями Ричарда мы по-свойски, без расшаркиваний. Уже в дверях Рамона шепнула мне, что уловила ту сгущенку, которую мы ей привезли в качестве знака внимания. Намек я поняла. Кажется, с будущей свекровью у меня появился первый маленький секрет.

По пути к порталной площадке Ричард пару раз принимался извиняться за темперамент своих родителей. Унимать его приходилось поцелуем. Давненько я не целовалась на освещенной улице, но, судя по ощущениям, зря волновалась. Ричард скрывал нас каким-то профессиональным пологом. Вот тут-то я и задала вопрос, который снедал меня последние три часа.

– Почему ты не приходишь ко мне ночью? Под таким пологом тебя никто не увидит.

– Прости, родная, что принял это решение в одиночку, но так и будет, пока Мишка не повзрослеет.

– То есть до свадьбы? – уточнила я, сама себе не веря. Целибат? Да вы издеваетесь!

Глава 12

Обычные вечерние посиделки в гостиной были в самом разгаре. Каждый чем-то занимался, даже мелкие курсировали между компаниями не слишком активно, предпочитая просто сидеть на коленях у тех, кто позволял. А разрешали подобное только деды и Василя, увлеченные своим разговором. Я им едва не позавидовала, так хотелось присоединиться, но меня ждала работа – очередная партия гребешков-плёикофенов на продажу к выставке. В преддверии этого мероприятия я решила чуть разнообразить линейку гребней для создания кудрей, таким образом в арсенале появились локоны-спиральки, так называемые кукольные кудри, и даже кудри с эффектом химии. Работа уже стала рутинной, но это не мешало отметить, что в этот раз гребешки были качеством получше, чем мой, самый первый. Мальчишки, поднабравшись опыта, расстарались, да и шиквея – это вам не простой кедрач. Я работала и прикидывала, у кого из наших дев волосы получше да характер побойчее. Кто согласится побыть моделью для демонстрации этих гребешков прямо на выставке? Слава богам, традиции этого мира не предписывали женщинам прятать волосы.

Раз за разом оглядывая деловитых воспитанников, я вдруг обратила внимание на Пинка. Он устроился на широком подоконнике в обнимку с книжкой и... просто спал. Стран-

но, ребята ценят эти тихие часы. Где это Пинок, тьфу ты, Таль исхитрился так устать? Уж не караулит он до сих пор Мишку по ночам? Бросив беглый взгляд на остальных ребят его возраста, я успокоилась, вроде откровенно невыспавшихся нет. Ладно, попозже у Димки выведаю.

Воспоминания о сегодняшнем знакомстве Димки и Мишки всколыхнули волну тепла в груди.

Пока мы втроем уходили подальше от спящего дома, Димка изнывал и чуть ли не подпрыгивал. Приставать к нам он себе не позволял, но нетерпеливое ожидание чуда его прямо распирало.

Моменты оборота я и сама ни разу не видела, только ощущала, как меняется пространство рядом и в непосредственной близости появляется нечто непривычно большое, теплое и живое. Ричард специально просил не смотреть, вот я и терпела, его душевный комфорт мне дороже любопытства.

Димка изменения уловил мгновенно и обернулся к вроде как отстающему Ричарду за пояснениями. А там медведь. Не просто медведь, а исполин. В холке выше самого Димки. Дышит, как кузнечные мехи, воздух с шумом втягивает, принюхиваясь, и кончик языка торчит, словно дразнится. Со мной он себя так никогда не вел.

А Димка возьми и скопируй. Логично. Раз Мишка знакомится таким образом, значит, так и надо. Но каков герой, даже не пискнул. Ни от удивления, ни от испуга. Смотрит, язык показывает и сопит. Постояли они так несколько се-

кунд, изучая друг друга. Мишка все принимался, а после приблизился, чтобы выяснить, чем у Димки изо рта пахнет. Понюхал, понюхал и полез носом в ворот Димкиной куртки. От такой наглости даже я растерялась, хотела было прикрикнуть на расшалившегося зверя, да Димка меня опередил – достал из-за пазухи вчерашнюю сдобную плюшку. На кухне успел ухватить, видимо, когда мы через заднюю дверь выходили.

Рамона настоятельно советовала Мишку не кормить. После оборота Ричарду, скорее всего, будет нехорошо, а ведь обязательно так и случится, если, например, Мишка до меда дорвется. И ладно, если это мед. А если десяток килограмм рыбы? Ричард не сможет обернуться в человека до тех пор, пока зверь не переварит такой объем пищи. Более того, неэкономно это, медведя кормить, человек-то ест поменьше. Недокорм зверя может стать проблемой только в тех случаях, если он находится в звериной ипостаси много дней. А в остальное время кормить зверя – это баловство. А избалованного медведя контролировать труднее. Но у моих мальчиков было свое мнение на этот счет.

Димка все правильно рассчитал. Жест доброй воли для первого знакомства не помешает. Все инструкции Ричарда – по боку, Димка скармливал плюшку небольшими кусочками и хохотал от щекотки, когда скользкий язык Мишки задевал его ладонь. А потом рассмеялась и я, потому что Мишка улегся на брюхо и вытянул все четыре лапы. Так иногда

делают щенки, когда им жарко. Очень забавное зрелище, если только забыть, что размером эта инсталляция около трех метров. Ребенок ходил вокруг, восхищенно охая и ахая, поглаживая зверя там, где доставал, щупал когти и мозолистые подушечки на лапах и, кажется, обещал придумать и сделать чесалку.

А потом они унеслись в чащу. Подозреваю, что подлесок остался цел не везде, судя по доносившемуся до меня треску. Вернулись они нескоро, я стоически терпела холод, давая моим мальчикам порезвиться.

Меня посетила мысль, что не худо бы потренировать навыки точечного воздействия, время есть, зачем его тратить впустую. Веточек, шишечек, былинкок-травинкок вокруг хватало. Стряхнуть аккуратно снег тут, колыхнуть веткой там, обвести гибкой травинкой окружность... Куратор Четвик не преминет подергать меня за самолюбие на ближайшем занятии, когда выяснит, что тренировки я забросила. Мне так и слышалось его язвительное: «Причины не важны, леди, важен результат». Вот я и старалась, надеясь как минимум вспомнить пройденный материал. Навыки, к моей радости, остались при мне, и сейчас я развлекалась попытками сжать жгут воздуха до материальной плотности и использовать его как стилус для рисования на снежной целине. Забавно же, каракули есть, а следов ног нет. Если с помощью Четвика мне удастся усовершенствовать этот навык, появится личное оружие, хоть дубину воздушную сотворю, хоть кинжал, ведь

если подумать, то острую кромку из тонкого слоя молекул создать проще, чем из металла, главное – добиться необходимой плотности, а эта задачка мне одной не под силу. Если только Димка пофеежит, и я научусь переводить ментальные усилия в магические. Но это только мечты, зато светлое будущее магии мира Араш в лице счастливого Димки показалось на освещенной поляне. Да не как-нибудь пешочком, а верхом на Мишке. Кое-кто дорвался-таки до перевозки маленьких. Мишка, словно в ответ на мои мысли, игриво высунул кончик языка. Вот ведь паразитик, дразнится еще. Я взвихрила бурунчик снега у него под носом. Мишка отпрянул, встал почти вертикально, а Димка со счастливым «Ий-йй», стремительно соскользнул с его спины. Сердце оборвалось.

Нет, здорово все-таки Ричард контролирует Мишку. Зверь не сделал ни одного лишнего движения, а мог бы податься назад и придавить ребенка... или метнуться в сторону.

Шалость удалась, мда. Где была моя голова?

То, что для меня чуть не обернулось инфарктом, для Димки и Мишки стало очередным развлечением. Эти два хулигана явно нашли друг друга, потому что трюк со стремительным сползанием по шерсти был повторен неоднократно ко взаимному удовольствию. Им-то хорошо, а вот мне в голову пришла мысль, что пора Димку учить бытовке, а то он будет вечно грязный, после таких-то упражнений. Надо будет с

Сайтоном посоветоваться и узнать, какие навыки все же доступны словесникам.

Уже дома Ричард мне тайком рассказал, что Мишка воспринимает Димку как старшего брата и слушается его как меня. По крайней мере, сейчас. Вот это пердимонюкль. Я хоть и засомневалась, но решила, что не стоит распутывать странную кудель, на которую стали похожи переплетения моих семейных уз. Как есть, так и хорошо.

Вечер прошел чудесно. Разговоры о предстоящем набеге на Гильдию краснодеревщиков не умолкали. Бывавшие в столице, а потому более искушенные, Вирт, Мир и Крафт пытались сбить гонор с младших, которые срывались в мечтания о том, как они всех удивят и изумят своими поделками. Кулинарный конкурс-то удался! Василя, конечно, крута, но у них учителя тоже не лыком шиты!

– Вот-вот, – втолковывал Пепел размечтавшемуся Крису, которому столярное дело совсем не давалось, – мал ты еще, похуже меня работаешь. А там ученики целыми днями учатся, да у известных мастеров. Не то что мы, по два часа.

– Ну, ты нас-то совсем-то не принижай, Пепел, – возражал ему Тормун, еще один друг Шона и Пепла, – у нас тоже козыри имеются. И гребешки волшебные, и змеиные шкатулки, и качалки.

– Вот и я о том же, – горячился Пепел, – в том, что мы хорошо поторгуем, я не сомневаюсь! Товар у нас необычный, да, но это не наша заслуга! Настоящего мастерства, чтоб с

гильдейскими тягаться, у нас нет, как ты не понимаешь?

– Вы, парни, волну-то не гоните, – подошел к спорящим дедушка Ульх, – вы все правы и неправы. Вот ты, Тормун, гребешки освоил, молодец. А от тонкой работы бегаешь. Одинаковые гребни пачками ладить – это ерунда. Вот если бы ты косичкой какой их украсил или точек каких накернил узорчато, да каждый гребень по-особенному, вот тогда и похвалиться было бы чем. У вас, парни, другая задача, разве не поняли? – Дедусь погладил усы, вытягивая паузу.

– Ну не томи, дедушка, – поторопил самый младший, Крис.

– А задача ваша, голуби мои, не столько себя показывать, сколько на других смотреть. Да подмечать. Не только красотой любоваться, а полюбоваться будет чем, я вас уверяю, но и запоминать. Неплохо бы и записывать, если сможете. И думать!

Дед опять примолк, подчеркивая весомость своих слов.

– О чем думать, дедушка? – Крис не мог унять своего возбуждения.

– А думать, Крис, надо о том, кем ты хочешь стать. Вы там много разного увидите. Вот, к примеру, попалась вам на глаза рама для зеркала, ну такая, затейливая, резная, что просто рот открыть. Встаньте и подумайте, сколько времени мастер на эту красоту потратил, сколько бумаги на эскизы перевел, сколь времени дерево выбирал-лелеял, сколько часов не разгибался, сколько мозолей кровавых сорвал. А когда прики-

нете, поймете, что такое мастер.

– Эх, – сказал Пепел печально, – мне мастером никогда не стать...

– Не горюй, парень, ты свое дело еще найдешь, вот увидишь. По любому ты уже маг, вот тебе и цель. А куда свой талант приложить, жизнь подскажет.

На этой позитивной ноте дед напомнил всем про отбой и отправился обратно к камину, а я задумалась, ведь я его с палочкой давно не видела, обычно к концу дня трость всегда была при нем, усталость после дневных забот брала своё. Неужели Димкин амулет уже работает?

Кстати, о Димке, а где он? В последний раз я его видела, о чем-то шушукающимся с Ричардом. Здорово, что у моих любимых мужчин образовались свои мужские дела. Любопытство подняло было голову, мне захотелось разузнать, куда запропастилась эта парочка, но мой взгляд опять упал на Пинка. Назвав себя клушей, я отправилась будить ребенка, стекло-то холодное, простынет ещё. Да и расспросить его не помешает, надо же понять, почему он не высыпается. Но мои благие намерения остались лишь намерениями, потому что подросток и сам проснулся от очередного свиста Габи.

Как открыл глаза, так и застыл, неверяще уставившись в окно.

– Смотрите, смотрите! Я же говорил! – ликующе-растерянный возглас Пинка потонул в переливах свистульки Габи.

Пожалуй, только так и можно было выразить всю ту гам-

му чувств, которые, как я полагаю, испытывал каждый, кто устремился к окну. Удивление. Трепет. Любопытство. Зависть к Шону и желание немедленно оказаться на его месте, чтобы все пощупать и рассмотреть. Приобщиться к чуду.

А посмотреть было на что. Прямо под окнами Димка-Шон изображал ковбоя, и не абы какого, а скачущего на медведе. Где только шляпу откопал? Выглядела она, конечно, несуразно – ещё бы, поверх зимней-то шапки. Как только Димка понял, что их заметили, он, судя по всему, дал какую-то команду зверю, и Мишка начал бегать по всему двору, утаптывая и без этого небольшой слой снега, показывая себя и своего довольного седока со всех сторон, невысоко вскидывая то передние, то задние лапы.

В один из таких забегов зверь направился прямиком к парадному входу вместе с Димкой на загривке. Я кинулась навстречу, собираясь не только отворить настежь двери, но и всем своим видом показать взрослым и детям, что бояться совершенно нечего. Раз Ричард так поступил, значит, уверен в нашей безопасности на все сто, да и у меня нет причин для опасений, самое страшное, на что способен Мишка, – это облюновать в порыве нежности. Ну, или рыкнуть на ухо, а это не страшно, просто громко. Ведь у него нет причины нападать.

Стоило в гостиную ввалиться огромному медведю, как Гевин поднялся из кресла, всем своим видом выражая готовность пресечь панику, если понадобится. Это навело меня

на мысль, что он-то как раз был посвящен в коварный план Димки и Ричарда.

Мишка, грациозно косолапя и не обращая внимания на какофонию удивленно-испуганных воплей вокруг, целеустремленно топал, кладая когтями по паркету, за мной, пятящейся спиной вперед, чтобы держать пушистого гостя в поле зрения. Похоже, меня ждет покупка большого и толстого ковра, спасибо Рамоне за науку.

Я чмокнула-таки медведя в нос. Давно хотела, а сейчас это было еще и стратегически необходимо, чтоб успокоить домашних.

В абсолютной тишине Димка повторил фокус со скоростным соскальзыванием со спины, вызвав дружный вздох у публики. Мишка, стоящий во весь рост на задних лапах, производил неизгладимое впечатление, особенно на сидящих. Покрасовавшись таким макаром несколько мгновений, он растянулся на полу, уложил лобастую голову на лапы, высунул кончик языка и блаженно прикрыл глаза, потому что Димка жестом фокусника вынул из-под стола нечто, что условно можно было назвать гребнем, только гигантским, и начал вычесывать бурую шерсть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.